

[Polaris]

Шарлотта
БРАЙСОН-ТЕЙЛОР

ОБИТЕЛИ
ПУСТЫНИ

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

CXIX

Salamandra P.V.V.

**Шарлотта
Брайсон-Тейлор**

**ОБИТЕЛИ
ПУСТЫНИ**

Salamandra P.V.V.

Брайсон-Тейлор Ш.

Обители пустыни. Пер. М. Фоменко, А. Шермана. Послесл. А. Шермана. – Б.м.: Salamandra P.V.V., 2016. – 86 с. – (Polaris: Путешествия, приключения, фантастика. Вып. СХІХ).

«Обители пустыни» Шарлотты Брайсон-Тейлор – одна из забытых жемчужин «фантастики странного», классическая история об американских археологах, которые на свою беду раскапывают в пустыне проклятый город и запретную гробницу.

Эта повесть, впервые издающаяся на русском языке, занимает достойное место в истории жанра «проклятия мумии». В ней царит атмосфера викторианских приключений и гнетущего ужаса, вызванного к жизни столкновением Запада с непознаваемым и вечно хранящим свои зловещие тайны Востоком.

© М. Fomenko, A. Sherman, перевод, 2016

© A. Sherman, послесловие, 2016

© Salamandra P.V.V., оформление, 2016

IN THE DWELLINGS
OF THE WILDERNESS

C. BRYSON TAYLOR

BS

ОБИТЕЛИ ПУСТЫНИ

И в небе и в земле сокрыто больше,
Чем снится вашей мудрости, Горацио.

Гамлет, I, V.

Моей матери

Глава I

В ТЕМНЫХ ГЛУБИНАХ ВРЕМЕНИ

Дин вышел из палатки, закурил чрезвычайно грязный бриар и побрел туда, где лежал на спине Меррит, подложив руки под голову и глядя поверх пустыни в окрашенное закатом небо. Слева тянулись раскопки, зиявшие подобно отверстым ранам в однообразии сухого коричневого песка; колоссальные холмы взметенной земли, чудовищные, с изломанными очертаниями, глубокие ямы и расселины, покапанные хребты и ущелья. Огромная, царившая над всей округой могильная насыпь, именуемая арабами «Холмом затерянного города», была испещрена широкими, длинными и глубокими траншеями, врезавшимися в сокрытое сердце кургана — по ним рабочие поднимались и спускались вниз. Слева, за одним из меньших, нетронутых курганов, расположилась на ночлег армия землекопов, занятых сейчас жалким ужином из растертых бобов. За нависающим земляным валом вился голубоватый дымок костра: Ибрагим, десятник, колдовал над густым, ароматным кофе своей страны. Одиночество наступающей ночи уже нависло над землей, солнце исчезло за краем пустыни, и яростный цвет неба начал бледнеть. Извне, с восточной стороны, тень мрака, простиравшаяся до дальних пределов мира, надвигалась на лагерь стремительной, бесшумной поступью.

Дин сел рядом с лежащим на песке Мерритом. Высокий, широкогрудый и сильный, он словно нес в себе некую тяжесть, заставлявшую его казаться старше своих лет. Глаза у него были карие и спокойные, волосы шатеновые, с рыжинкой, на удивление жесткие, как проволока; еле заметные морщинки у рта выдавали чувство юмора. Меррит, седой, коренастый, худой и крепкий, как кремень, высвободил руку из-под головы, сдвинул скрывавшую его суровое и резкое лицо шляпу и взглянул на Дина.

— Где Холлуэй? — спросил он.

— Вскоре после обеда он взял свою камеру и сказал, что собирается сделать несколько снимков на раскопанном нами участке северного храма, — ответил Дин. — Мне кажется, где-то там должны обнаружиться новые таблички с письменами, причем хорошо сохранившиеся — ведь по сравнению с руинами других городов, что нам встречались, это место можно назвать чуть ли не современным.

Дин с интересом оглядывал раскопки, манившие его древними тайнами. Его немного тревожило отсутствие Холлуэя. Холлуэй был молод и обладал пылким воображением, и с ним можно было поговорить о колдовском очаровании этой грандиозной гробницы, навевавшей думы о некогда расцветшем, достигшем зенита и канувшем в Лету величии. С Мерритом нелегко было беседовать на подобные темы, ибо тот был опытным археологом — в высшей степени практичным, твердым как скала и прозаичным до самых кончиков ногтей; проявления чувств он был склонен принимать за неподобающую чувствительность и потому откровенно их презирал.

Солнце ушло за горизонт, и мир мгновенно окутала тьма. В лагере рабочих раздалось заунывное и приглушенное, словно доносящееся издалика песнопение и размеренный рокот барабана. В промежутках слышался крик осла, похожий на визг пилы, рассекающей дерево. С наступлением темноты на черной дуге небес зажглись громадные, бесчисленные звезды; ночной ветер, скользя среди руин, превратил дневной жар в неожиданную прохладу. Темнота смягчила очертания земляных холмов, и они вздымались огромными тенями, растворяясь в мрачном таинстве ночи. С пением туземцев и ослиными криками смешивалось раздраженное блеяние коз, предназначенных для хозяйского котла. За валом поблескивал еле заметный отсвет костра десятника. И над всем довлела ночь, в чьей беспредельности тонули все звуки, все движения.

— Эти дикари способны работать целый день, как скот, и петь ночь напролет, что твои лягушки-быки, — неожиданно произнес Меррит. Он приподнялся на локте и крик-

нул, подзывая Ибрагима. Десятник отошел от костра и важно приблизился, выделяясь в ночи темным пятном.

— Почему люди сегодня так шумят? — спросил Меррит.

— Молиться за добрый везенье, сэр, — сказал Ибрагим, отвечая на арабский Меррита гордым, беглым и ужасающим английским с немыслимым акцентом. — Эта отмерший город не есть хорошо беспокоить. Бог-Господь... Он давно однажды проклясть его и люди горевать и страшиться... кхм... призрак. Призрак, да. Вестьма невежественный люди.

— Ах, вот оно как? — Меррит, потеряв интерес к разговору, снова растянулся на спине. — Ладно, скажи им, что призраков нечего бояться. Последний из них умер от старости добрую тысячу лет тому.

— Слушаться, сэр! — ответил Ибрагим, посчитав эти слова самым правильным и «британским» откликом. Меррит и его партия были первыми американцами, с которыми довелось работать десятнику, иначе он непременно сказал бы «олл-райт». Ибрагим вновь отступил во тьму, и пение мало-помалу перешло в подвывание и жалобный плач, а затем оборвалось.

— Доберемся мы завтра до восточного крыла дворца, как ты думаешь? — спросил Дин.

Меррит с удобством устроился на теплом песке и отложил шляпу в сторону.

— Доберемся, мне кажется.

Он заговорил медленнее, приглушив голос в ночной тишине.

— Дворец, в стенах которого две тысячи лет назад жили и умерли древние обитатели. Представляю, как выглядел он в те времена, когда был центром, сердцем цивилизации, такой же могучей и насыщенной биением энергии, как наша. Признаюсь, Дин — у меня возникает странное чувство и волосы чуть ли встают дыбом, стоит мне оказаться перед запечатанной дверью или вскрыть гробницу. «Только подумай, старина, осознай это! Ты первым переступаешь этот порог, твоя рука впервые поднимает эту табличку, или вазу, или черепок с тех пор, как древние оставили их здесь». Вот

что я всякий раз говорю себе. Они умерли сами, либо их каким-то образом убили, и город их опустел.

Голос Меррита звучал все медленнее, паузы между фразами становились длиннее, и он, казалось, больше не обращался к Дину.

— Затем дворы начали заполняться пылью и песком, сперва лишь тонким слоем, понимаешь? Цвета все еще яркие и красочны, и стены по-прежнему стоят. После в щелях камней начинают прорастать сорные травы, сады обращаются в джунгли и слой пыли становится все толще. Вскоре то тут, то там рушатся стены... в вечном одиночестве, в мертвом городе, оставленном на произвол судьбы... Дикие звери устраивают в залах свои логовища, вопли обезьян оглашают тот самый дворец, что мы завтра увидим, и ящерицы дремлют на ступенях в лучах солнца... Все больше рушится стен, и пески подползают все ближе, и тишину не нарушает ни единый голос, ни единый звук, кроме шума сорвавшегося камня. Постепенно лик мира меняется, и земля, как океанский вал, вздымается и скрывает под собой город, и вот одни лишь бесформенные курганы напоминают о былой жизни. И город мертв, похоронен в ожидании нас, только нас троих, пришедших с другого конца света, чтобы вновь извлечь его на поверхность.

Внезапно его речь прервалась. В темноте ни один из них не видел лица собеседника. Дин слушал в молчании, донельзя удивленный. Меррит, этот трезвый прагматик, Меррит, готовый поднять на смех всякую сентиментальность, предается поэтическим излияниям? Дин знал, что наиболее сдержанные и замкнутые натуры, решившись заговорить, как правило позволяют себе много больше обычной откровенности и до конца раскрывают свои потаенные, застенчивые души. Знал Дин и то, что когда подобного человека охватывает столь редкостное настроение, ему можно лишь дивиться, а исповедь — благоговейно выслушать, ибо она неизменно означает некий жизненный перелом и служит внешним признаком душевного разлада, быть может, скрытого от всех. Нервы Дина напряглись в ответ на слова Меррита — и поскольку такое могло быть сказано только в тем-

ноте, меж двумя людьми, ибо безжалостный свет дня высвечивает всю избитость и тщетность этих признаний, он медленно произнес, глядя на громадные звезды, горящие над ними:

— Я даже не думал, что *ты* тоже чувствуешь нечто похожее.

— А ты? — быстро отозвался Меррит. — Можешь ли ты вообразить ту древнюю, навсегда исчезнувшую жизнь, когда находишь здесь ее изувеченные останки и преклоняешься перед ними? Способен ли ты заново возвести эти разрушенные стены и увидеть, вместо курганов и рвов, город с крепостными башнями, и тенистыми рощами, и садами, исполненный человеческой жизни, сам прах которой давно развеялся? Для меня это всегда так. Началось давно... я был еще совсем мальчишкой. Из меня хотели сделать инженера, но я заявил, что предпочитаю раскапывать вещи, созданные другими, а не тратить зря время на постройку мостов или зданий, что в свою очередь будут кем-то раскопаны. Эта мысль завладела мной еще тогда — и с тех пор не отпускала.

Дин сочувственно кивнул во тьме.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду, можешь не сомневаться. Но все же... я не представлял, что ты... хм... относишься ко всему этому именно так.

Меррит рассмеялся.

— Ума не приложу, что заставило меня излить душу нынче ночью, — признался он. — Но я многое передумал. Это будет большое дело, Дин. Очень важное для всех нас, если мы сумеем с ним справиться.

— Почему бы нам не справиться? — удивился Дин.

Меррит сел и похлопал себя по карманам в поисках спичек.

— Не знаю! — с некоторым сомнением ответил он. — Нет никаких причин, я полагаю. Но почему-то я с самого начала никак не мог представить себе окончание нашего предприятия. Исключая несчастные случаи и волю Божью, я могу запланировать ход работ до определенного момента и вполне резонно надеяться, что все будет идти так, как задумано.

мано. Но дальше... у меня будто возникает предчувствие, что произойдет нечто неожиданное. Конечно же, это полнейшая ерунда. Между прочим, Холлуэй уже вернулся?

— Думаю, да, — ответил Дин. — Он так настаивал, что нужно захватить кинопленку, а вчера его бой оставил кассеты на солнцепеке и они расплавились. Я его предупреждал, что пленка в таком климате принесет одни неудобства.

— Ничего, он переживет, — непринужденно отозвался Меррит. — Это его первая экспедиция, и он еще зелен, но юноша он способный и безусловно умеет делать превосходные фотографии.

Оба замолчали, чувствуя соединившие их незримые волны новой приязни. Каждый проник сквозь раковину другого, коснувшись тайной пружины чувства, общего для обоих, и меж ними возникла связь, не нуждавшаяся более в словах. Они сидели и тихо курили, в мире с собой, друг с другом, со всем мирозданием.

Черная фигура выросла в ночи и приблизилась к ним. Неяркий огонек сигареты точно прожигал дыру во мраке.

— Как поживает камера? — поинтересовался Дин. — Ты сделал сегодня новые снимки?

— Да, — ответил Холлуэй. — Я там все излазил. Место отличное. Хотя появляется чувство ужасного одиночества, когда смотришь в вырытые нами ямы и думаешь, что сказали бы те древние, если бы могли видеть нас.

Дин и Меррит, невидимые в темноте, одновременно усмехнулись.

— Этот болван-бой засветил все мои пленки — четыре дюжины кассет. Я не особо ожидал, что они пригодятся, тут дело принципа: жаль, что кассеты пропали. Отправляюсь-ка я на боковую. Доброй ночи всем.

— Спокойной ночи! — ответствовали они торжественным хором.

Холлуэй ушел. Вскоре Дин последовал за ним. Суровые, обветренные черты Меррита растворились во тьме, и он остался наедине с ночью и своими сотканными из снов видениями.

Глава II

ЗАПРЕТНАЯ ДВЕРЬ

Перед рассветом все трое позавтракали и приступили к работе, как только смогли разглядеть в утреннем полусвете свои инструменты. Холлуэй, волоча за собой треногу, в сопровождении боя с ящиком пластинок переходил с места на место, делая снимки. Он был жизнерадостным молодым человеком, гибким и деятельным, с поразительно светлыми волосами, смеющимися голубыми глазами, квадратным подбородком, загорелым до ровного темно-багрового цвета лицом и испачканными химикалиями руками.

Меррит, надвинув на самые глаза тропический шлем, неустанно карабкался вверх и вниз по траншеям, сжимая в руке мятый рулон чертежей. Он был повсюду одновременно, резкий, здравомыслящий, практичный; он наблюдал за работами, отдавал распоряжения, и со всех сторон к нему неслись просьбы о помощи и совете. Настроение ночи пришло и исчезло, и он вновь стал таким, каким знал его мир. Рабочие деловитыми муравьями роились вокруг курганов. По одному склону холма, сложенного из земли и щебня, преодолевая крутые глинобитные ступени, ведущие в раскоп, поднималась бесконечная, непрерывная вереница людей, нагруженных ведрами с землей. По другому склону и таким же крутым ступеням спускалась цепочка рабочих с пустыми ведрами; внизу стучали кирки и лопаты и раздавались хриплые выкрики бригадиров. Вверху расстилалось чистое утреннее небо, еще не затянутое жаркой дымкой расплавленной меди; вокруг простиралась пустыня, громадная и безмолвная; под ногами лежали осколки старого мира, чья история затерялась в сумраке ушедших веков.

Ибрагим проворно взобрался на отвал самой глубокой из прорытых в кургане траншей, заметил Дина, который, используя в качестве письменного стола колено, рисовал в записной книжке каббалистические знаки, и поспешил к

нему.

— Сэр, — объявил он, раздувшись от важности и явно гордясь своим открытием, — люди находят стена непороченный, с дверь и надпись на ней. Где мистер Меррит?

— У храмовой стены, вместе с мистером Холлуэем, — ответил Дин. — Позови его скорее.

Ибрагим удалился степенной рысцой, а Дин сунул записную книжку в карман, спрыгнул в траншею и бросился к кучке рабочих, толпившихся с пронзительными восклицаниями вокруг груды обломков. Это была не первая находка экспедиции, но любое новое открытие неизменно отзывалось по всему телу той же дрожью нетерпеливого ожидания. Нет ничего более волнующего, чем стоять на пороге давно умершего мира, у самых его врат, зная, что следующий удар кирки, следующий шаг вперед могут либо раскрыть утраченные секреты мертвых народов, проливающие новый свет на серые туманы веков — либо завести в тупик; могут явить неведомую страницу из запечатанной книги исчезнувших вещей или насмешливо показать чистый лист.

Сбежались даже носильщики, бросив ведра и с любопытством вытягивая шеи из-за плеч землекопов. Траншея имела около ста пятидесяти футов в ширину и была огорожена с обеих сторон высящимися земляными стенами. Фрагменты брусчатки и прямая линия сломанных колонн, чьи основания уходили глубоко в землю, говорили о том, что здесь находился один из внутренних дворов древнего дворца. В той части раскопа, где толпились рабочие, взгляду открывался участок стены около десяти футов высотой с замурованным дверным проемом. Подоспевший Меррит, тяжело дыша, принял на себя командование, сдерживая чересчур ревностное нетерпение рабочих. Землю тщательно расчистили, обнажив находку.

— Похоже на гробницу, — сказал Холлуэй, оставив свою камеру и подходя ближе. — Кирпичи, скрепленные битумом, как обычно. Эй! поосторожнее, парни! не размахивайте так лопатами! Над дверью надпись — вы же не хотите ее повредить? Дин, тут нам потребуются твои познания!

— Пусть кто-нибудь один очистит надпись от грязи, — распорядился Меррит. Полуголый рабочий забрался на плечи товарища и соскоблил забившуюся в резные углубления землю. Внезапно Дину бросилось в глаза лицо Меррита, и он тотчас вспомнил его вчерашние ночные откровения. Лицо археолога побледнело от волнения, хотя руки оставались тверды, а голос спокоен. Мгновенно оживившись при виде высеченных слов, Дин аккуратно скопировал их в записную книжку, поспешно отошел и занялся расшифровкой надписи. Холлуэй установил треногу, навел объектив и сделал снимок стены и низкого замурованного проема с таинственным инскриптом над ним. Он волновался и горячился, как всегда бывало в подобных случаях, и настаивал на том, что дверь должна быть вскрыта как можно скорее.

— У нас еще остается несколько часов, после станет слишком жарко, — заметил Меррит. Он сдвинул шлем на затылок и поглядел на часы. — По крайней мере, приступим к работе и будем продолжать, сколько сможем. Судя по общему виду места и плану уже раскопанных нами участков, могу сказать, что эта гробница или камера располагалась в свое время в нескольких футах под землей. Готово, Дин?

Дин подошел к замурованному входу с трубкой в зубах и шляпой на затылке. Он внимательно изучил надпись, затем сравнил ее со сделанной копией и справился с несколькими страницами книжки. Время от времени он что-то неразборчиво бормотал себе под нос. Наконец он повернулся к остальным.

— Так и думал, что это захоронение, — с удовлетворением отметил он. — Времени на расшифровку было мало, но если я не ошибаюсь, в целом надпись гласит: «Всяк пришедший — ныне и впредь» — впредь? — так, все верно — «да не пробудит спящую здесь душу».

— Должно быть, хозяин очень хотел спать, кем бы он ни был, — непочтительно заявил Холлуэй. — Давайте уже начинать! Если старик все еще внутри, мне бы хотелось заполучить его, пока не слишком стемнело.

Вскоре отряд землекопов взялся за работу. Подобно туче пытливых муравьев, они набросились с ломami и кирка-

ми на края замурованного проема, над которым предостерегающе выделялось на стене древнее послание. Дин поймал себя на том, что по непонятной причине был не в силах отвести от него взгляд. Приглушенными голосами они с Холлуэем обсуждали смысл надписи под аккомпанемент лязга заступов и лопат. Холлуэй колебался между заманчивой идеей зарытых сокровищ, чей владелец пытался обезопасить клад посредством драматического предупреждения, и украшенной драгоценностями мумии царя, каковую фотограф мечтал побыстрее вытащить на свет. Дин питал надежду найти внутри таблички с письменами; Меррит не произнес ни слова. Когда Холлуэй попросил его поделиться гипотезами, Меррит коротко ответил:

— В этих краях я давно перестал чего-либо ждать. Что бы ты ни надеялся найти, всегда появляется нечто неожиданное и сводит на нет все твои представления.

— Вы правы насчет этих краев! — с внезапным воодушевлением промолвил Холлуэй. — Они не следуют правилам и предписаниям нашей родины. В конце концов, я так полагаю, нет причины, почему бы странным вещам не происходить в странных землях. Вы не понимаете их — вы не можете их понять — но, Богом клянусь! они вечно ловят вас исподтишка! Есть нечто в этих восточных землях, во что никогда не проникнуть западному человеку. Что-то в самом воздухе этих мест и даже в людях. Я бывал в Индии, Египте и так далее, но по-прежнему знаю о них ничтожно мало, да и то лишь поверхностно. Что-то постоянно ускользает, что-то, к чему никак не удастся подобраться достаточно близко, изучить; ты знаешь, что оно там, но не в состоянии это «что-то» назвать. Даже повседневные мелочи кажутся необычайными. Я часами простаивал у буддистского храма, просто слушая женщину, распеваящую их молитву: «Ом мани падме хум!», пока мне едва не начинало казаться, что сам я превратился в приверженца Будды и молюсь вместе с ней. Все здесь покрыто пеленой тайны, и так будет всегда. Ты видишь явления и твердо знаешь, что они существуют, ты в этом убежден, но ничего не можешь объяснить. Скажу вам — раз или два я вообще ничего не видел... но все же уверен,

что там что-то было. Мне думается, что за всем этим стоит не иначе как наследие прошлого, оно и придает всему такую проклятую странность. Помню, однажды в Даржилинге...

Но аудитория покинула его, и Холлуэй, чье настроение ничуть не омрачили оборванные на полуслове воспоминания, бросился помогать землекопам и принялся распевать вместе с ними их странные рабочие песни под звуки грубо грохочущего хора заступов и лопат; его бьющий через край энтузиазм заразил всех, и работа закипела.

Солнце поднялось выше, обдавая землю жаром. Некоторые рабочие выказывали признаки крайней усталости.

— Нам придется на время прерваться, — с сожалением сказал Меррит. — Уже десять утра. Дин, лучше не снимай шляпу, если собираешься подняться наверх. Солнце так припекает, что через десять минут ты можешь заработать удар.

Дин сел на обломок разбитой колонны и стал обмахивать раскрасневшееся лицо серой походной шляпой.

— У меня уже голова раскалывается, — признался он. — Эй! Ибрагим! Сделай-ка милость, сходи в мою палатку и найди в аптечке синий пузырек. Синий пузырек, запомни; он там один такой. Размешай полную ложку в стакане с водой и принеси сюда.

Ибрагим ушел.

— Лучше попробуй что-то посильнее, — предложил Меррит.

— Не стоит, это только предвестие мигрени, — возразил Дин. — Бром вылечит меня быстрее всего.

Ибрагим вскоре вернулся со стаканом. Дин выпил лекарство, надел шляпу и затерялся в толпе землекопов, следя за ходом работ.

К тому времени, когда объявили перерыв, значительная часть мусора была уже расчищена; успели извлечь и кое-какие камни поменьше из закрывавшей вход кладки. Рабочие по очереди подходили и торжественно заглядывали в проем, выражая разочарование, когда им не удавалось увидеть ничего, кроме непроглядной черноты. Холлуэй вызвал некоторую сенсацию, заявив с обычной бодростью, что заметил внутри крошечную точку света. Над ним немало по-

тешались, но он решительно стоял на своем, хотя и признался, что все это «выглядит престранно» и не имеет объяснения.

Землекопы чередой поднялись из траншей наверх и растянулись в тени курганов. Холлуэй, пылая молодостью и неукротимым энтузиазмом, отказался от отдыха и отправился проявлять свои негативы. Дин прилежно развернул над собой москитную сетку для защиты от надоедливых мух и прилег вздремнуть под сенью ближайшего холма. Меррит, с трубкой в зубах, сидел там же, где они с Дином беседовали прошлой ночью, глядя на равнину мрачными, задумчивыми глазами.

Раскаленный день тянулся без конца, и непристойные шутки туземцев постепенно затихали. Они безмятежно спали, пока оставался хоть клочок тени, всю используя отведенное на отдых время. Когда солнце, неторопливо шествуя по медному небу, проникало в их убежища, они просыпались, вставали, дружно перебирались на другое место и засыпали вновь. Вместе с ними перемещались и белые; Дин, не отошедший от сна, в дремотном забытьи, спотыкался в своей москитной сетке. Он мгновенно засыпал там же, где падал, тяжело дыша и беспокойно ворочаясь. Сны его населяли грандиозные процессии коричневоногих существ, бесконечно карабкавшихся вверх и нисходящих вниз, проходящих из ниоткуда, уходящих в никуда, и каждое из них, проходя мимо, опрокидывало на него лоток сухой коричневой земли, чей тяжкий вес вдавливал его глубоко, все глубже в почву, и выкрикивало ему в ухо: «Всеяк пришедший, ныне и впредь, да не пробудит спящую здесь душу». Голоса становились все более громкими и угрожающими, хотя он не мог понять, по какой причине эти коричневые создания чем-то грозили ему; но когда он пытался бежать, они вываливали на него горы земли, и наконец, задохнувшись насмерть, он проснулся, хватая ртом воздух, и обнаружил на своих плечах крепкие руки Холлуэя, а голос фотографа зывал:

— Вставай, дружище! Ну, вставай уже, говорю тебе! Дверь открыта, и мы собираемся войти, пока еще достаточно светло.

Дин, по-прежнему ощущая головокружение, вскочил на ноги и отбросил москитную сетку; и вместе они помчались вниз по траншее к черной пасти четырехфутового прохода. Вокруг собралась толпа; ближе других ко входу стоял Меррит — его лицо, как всегда, побледнело от волнения, а в руках он сжимал лопату. Он походил на сыщика, нашедшего ключ к разгадке запутанного дела, или старателя, увидевшего долгожданные крупинки золота. Странное послание над его головой продолжало возглашать неясное предостережение: Восток и в смерти хранил свои тайны от глаз вездесущего Запада.

Для Меррита работа никогда не становилась рутиной: он будто раскрывал страницу, на которой мертвой рукой была записана история исчезнувшего мира. Не оглядываясь, он поманил к себе Дина и Холлуэя и пригнулся, чтобы заглянуть в низкий проход. Перед входом высилась груда мусора и раздробленных камней.

— Посмотрите туда! — воскликнул он. Слова археолога хлестнули, как плеть. Его глаза были пронизательны и серьезные. — Кто-нибудь из вас видит — свет?

Они тотчас оказались рядом. Дин переспросил:

— Видит... что? — и опасливо взглянул на Меррита. Холлуэй недоверчиво произнес:

— Свет!

Но вдруг Холлуэй, глядя внутрь, вцепился в стоявшего рядом Дина и резко вскричал:

— Вижу! Ей-богу, вон там! Разве я не говорил вам, что когда вытащили первый камень, я заметил внутри отблеск света, а вы чуть не свели меня в могилу своими насмешками? Но... о Господи! Как же свет мог проникнуть туда, под землю, на глубину пятидесяти футов?

— Отражение внешнего источника света на какой-то гладкой плите внутри, — наугад предположил Дин.

Меррит зажег свой фонарь.

— У нас будет время разобраться, — вполне спокойно сказал он. — Помещение в первоклассной сохранности — мы впервые нашли избежавшую обрушения и не забитую землей камеру. Пойдемте, вы оба, только возьмите ваши лампы.

Меррит перебрался через обломки и занес ногу над камнем, образующим порог, направляя перед собой свет фонаря. Дин и Холлуэй следовали за ним по пятам. Все трое очутились внутри усыпальницы. Земля и камень сделали все возможное, чтобы скрыть доверенную им тайну минувшего, но человек победил. Гробница отступилась от своих мертвых.

Перед ними находился низкий и короткий коридор, не позволявший выпрямиться в полный рост и круто уходящий вниз; ярдах в пяти от них он сворачивал вправо. Выступ стены скрывал остальное. При свете трех ламп, растворявшемся во мраке, можно было разглядеть большие каменные блоки стен и потолка, грубо обтесанные молотком.

— Я думал, здесь все давно завалило, — слышался откуда-то сзади голос Холлуэя. — Подумайте, какое давление испытывает потолок.

— Да, но это помещение с самого начала располагалось глубоко под землей. Промежуточный слой земли, вероятно, сдерживал медленно нарастающую сверху массу. К тому же, потребовалось бы...

В эту минуту Дин, шедший впереди, завернул за угол коридора и тут же, ахнув и выругавшись, отшатнулся назад, прервав лекцию Меррита.

— Там что-то странное! — пробормотал он.

За поворотом коридор, ведя еще ниже, продолжался на расстояние нескольких ярдов. Здесь проход перекрывала замурованная дверь, во всем схожая с внешней. На кубическом камне рядом с дверью стоял глиняный светильник, откуда исходило не пламя, но бледное сияние, как если бы внутри пребывало какое-то фосфоресцирующее вещество — тусклое и слабое, словно умирающее. Казалось, чья-то живая рука оставила лампу на камне незадолго до их появления, за этими запечатанными стенами, глубоко под землей; маленький атом жизни, окруженный всеобщей смертью, поразил их мгновенным содроганием, как нечто сверхъестественное, неземное.

— Господь Всемогуший! Только взгляните на это! — прошептал Меррит и замолчал, как человек, оказавшийся пред лицом неведомой силы, которая поднялась внезапно из от-

верстой гробницы, дабы глумиться над людьми. Перед ними предстало нечто жуткое — наделенное сознанием и разумом. Дин, пораженно глядя на светильник, произнес:

— Он не мог гореть здесь все эти тысячелетия, с тех самых пор, как наружная дверь была замурована — потому что это попросту невозможно. Это абсурд. Тут должен быть какой-то другой вход. Кто-то, вероятно, побывал здесь до нас.

Стараясь держаться ближе друг к другу, все трое смотрели на лампаду с удивлением и благоговейным страхом. Ее таинственность заставила их умолкнуть; неожиданность находки повергла их в замешательство. Холлуэй, вглядываясь в тени, внезапно бросил:

— Погасите-ка на минутку ваши фонари. Или заслоните их так, чтобы свет не падал прямо. Да! Есть!

Его голос буквально дрожал от нетерпения.

— Посмотрите на верхний косяк двери. Там что-то написано — видите? Прямо над входом... большие знаки... и лампа установлена в точности так, чтобы освещать их. Вот для чего она здесь — никто не смог бы приблизиться к двери, не заметив надпись. А когда свет был ярче, знаки выделялись, должно быть, как на плакате. Переведи это, Дин, быстрее.

Дин пригляделся и сразу узнал оградительную надпись, виденную им много раз до этого. Знаки слагались в единственное слово:

«Запретно».

Но стоило им двинуться вперед, чтобы рассмотреть надпись, бледное свечение, неисчислимые годы озарявшее эту безмолвную усыпальницу, вдруг заблестало в волне воздуха, что всколыхнули их тела, на мгновение загорелось от важным пламенем и тихо сошло в небытие. И тотчас хватка смерти, сдерживаемой тысячу лет слабой искрой жизни, тяжело сомкнулась в подземелье. Меррит издал возглас горького разочарования.

— Думаю, здесь покоится старый царь, — заметил Холлуэй. — Попробуем взломать? Смотрите: эти камни чуть ли не впятеро легче тех, что были наверху. Честное слово, вот

этот я могу и сам сдвинуть. Будь там темно или светло, как в солнечный день, нам в любом случае понадобятся сейчас фонари. Я позову Ибрагима.

Ибрагим спустился с двумя рабочими и орудиями атаки. Коридор был настолько узок, что позволял одновременно действовать лишь двоим; вдобавок, они были стеснены в движениях и задыхались от спертого воздуха.

Но мало-помалу, сменяя друг друга, рабочие расчистили проход. Меррит снова зажег свою лампу и ступил внутрь. Оставшиеся снаружи слышали, как он споткнулся и крикнул:

— Идите сюда! Захватите фонари. Тут что-то есть.

Дин и Холлуэй немедленно последовали за ним. Но едва они приблизились, Меррит резко воскликнул:

— Осторожно! Не наступите на это! Оно прямо за порогом.

Дин, вошедший первым, направил свет вперед и увидел темный предмет, лежащий у дверного проема. Он осторожно перешагнул через него и наклонился рядом с Мерритом, сосредоточенно рассматривая находку. Холлуэй, согнувшись и застыв в низком проеме, глядел на них; из-за его плеча вытягивалось смуглое лицо Ибрагима.

— Это мумия, без сомнения, — сказал Холлуэй, поднося фонарь поближе. — Но она не завернута в бинты и не покоится в саркофаге. Лишь высушена естественным путем, надо полагать. Переверни ее, Дин.

Глава III

В ГРОБНИЦЕ

Лампы горели теперь ярче и ровнее, и по гробнице разлился свет. Погребальная камера была низкой, квадратной и очень маленькой; все стены были расписаны относительно не пострадавшими от времени фресками, детали которых археологи не стали разглядывать. Дин перевернул тело, сморщенное, коричневое, кожистое, которое когда-то жило, и двигалось, и дышало подобно им самим. Меррит произнес:

— Это женщина. Судя по платью, могу заключить, что она занимала высокое положение, — он присвистнул. — Поглядите на украшения!

Когда тело, жесткое как доска и окоченевшее в скорченной позе, было повернуто лицом вверх, в свете фонаря вспыхнули бесчисленные драгоценные камни, блеснуло золото, темным огнем засияли неведомые кристаллы. Высохшую шею обвивала цепочка из тяжелых золотых колец; на сморщенных, длинных и костлявых руках с похожими на когти пальцами висели широкие чеканные браслеты, инкрустированные самоцветами.

— Она поразительно хорошо сохранилась, — сказал Меррит. Он с глухим звуком постучал пальцем по впалой груди, которая некогда была смуглой и гладкой плотью, отзывавшейся на прикосновение мягкой упругостью и соблазнительными ямочками. Затем он направил свет фонаря на лицо мумии. На черепе все еще сохранились волосы, длинные, полночно-черные, прямые и шелковистые; но стоило Мерриту притронуться к ним, и прядь осталась в его руке. Глаза высохли, глазницы были пусты. Губы, сухие и запавшие, растянулись в ухмылке, обнажая два ряда совершенных зубов.

— Это какое-то издевательство! — неожиданно воскликнул Меррит. — Мне хотелось бы знать, что она тут делает.

Дверь не случайно была замурована подобным образом. Давайте осмотримся.

Они огляделись вокруг и нашли ответ на стенах. То была изображенная на фресках история драмы с ужасающим финалом, разыгранной более двух тысячелетий назад, причем исполнявшая главную роль актриса была одета в такой же костюм, что и лежащая у их ног мумия.

— Думаю, повествование начинается отсюда, — заметил Холлуэй, стоя в углу у двери. — На стене рядом с вами изображено, как закладывают вход, а это должно было прозойти ближе к концу действия. Первое изображение находится здесь, где я стою.

Они бродили вдоль стен, натывая друг на друга в тесноте погребальной камеры и освещая фрески фонарями. Наконец Холлуэй, чье пламенное воображение не знало границ, хлопнул себя по колену и воскликнул:

— Понял! По крайней мере, это соответствует всем деталям, что мы успели обнаружить. Она определенно была особой царской крови! Ведь тут, на четвертой фреске, она изображена с чернобородым мужчиной, наделенным символами царской власти; заметьте, что по величине их фигуры почти совпадают. В первой сцене она занимается любовью с этим заморышем в белой юбке, который намного меньше ее, что означает его низкое происхождение. Он стеснителен и держит руки перед лицом. Я полагаю, это должно выражать его нежелание участвовать в игре. Трех другим карликам, лежащим сбоку на спинах, судя по всему, близость с нею дорого обошлась. Все они закрывают лица руками, видите? Та же поза, что и у ведущего персонажа. Похоже, она была дамочкой весьма любвеобильной, как можно заключить по следующим двум фрескам. Да уж, они очень откровенны, верно? В четвертой сцене царь порицает ее и призывает исправиться, но она поворачивается к нему спиной. На дальней стене явно изображено, как ее судят за грехи и как царь выносит приговор. А здесь — надо же! только поглядите — ее замуровывают заживо в этой самой камере. Вот ее тащат вдоль всего наружного коридора, гробница открыта и подготовлена; а в этой, последней, сцене царь

своими руками кладет первый камень. Вот слуга возится со светильником, установленным на каменном основании. — Он глубоко вздохнул. — Но, Бога ради, для чего они замуровали нашу принцессу живьем? Почему не отравили, не отрубили ей голову или что-нибудь в этом роде?

Однако рассуждения Холлуэя были прерваны. Ибрагим, чье неутолимое любопытство преодолело даже суеверный страх перед гробницей, подошел к археологам; свет их фонарей ярко освещал фреску с изображением принцессы, ожидающей приговора. Неожиданно Ибрагим вскрикнул в удивлении и тревоге и бросился к выходу. Холлуэй поймал его на полпути, требуя объяснений.

— Сэары, уходить прочь. Эта место совсем проклятый. Эта дева — та, которая вы звать по-английски дьявольский душа. Видеть — глядеть.

Он указал на нарисованную фигуру. Меррит наклонился ближе, рассматривая детали.

— Довольно-таки странно, — заметил он. — Видите у нее на груди это украшение, похожее на модное ожерелье? Но на нем не орнамент, а маленькая фигурка дьявола. Она встречается на всех ее изображениях. Можете сами проверить.

— Вот оно как, — промолвил Холлуэй и двинулся вдоль стен, разглядывая фрески. — Маленький дьявол. Мило, ничего не скажешь.

Но Ибрагим снова взвыл.

— Эта дьявол смотреть из ее душа. Эта почему ее замуровать. Если она умирать так... — он провел ребром ладони по шее, — или была убивать, дьявол выйти из нее и бежать. Замуровать, и дьявол, когда дева умирать и он выходить, оставаться здесь. Теперь вы открыть стена, освободить дьявольский душа. Уходить прочь скорей.

Холлуэй рассмеялся.

— Верно подмечено, Ибрагим! Мы и не думали, что среди нас найдется человек с таким буйным воображением. Но мне и самому кажется, что лучше нам выбираться отсюда. Воздух здесь не слишком-то благоуханный. Да и Дин еще больше позеленел.

Из коридора, где стояли землекопы, донесся крик, и Ибрагим метнулся к выходу.

— Говорить, крыша обваливаться! — прокричал он на бегу. — Завалить дверь! Бежать, сэры!

— Сверху просто сыпятся мелкие камни, — сказал Меррит. Но Холлуэй, уже отступая, кинул через плечо:

— Вам обоим стоит поторопиться! На нас несется самая настоящая лавина.

Он перепрыгнул через порог узкой двери. Меррит бросился вслед за ним и успел оказаться в проеме, когда слышался грохот оползня; Холлуэй, Ибрагим и двое рабочих в коридоре дружно закричали, и Меррит прыгнул, счастливо избежав опасности. И затем в проем, где он только что находился, обрушилась грудa рыхлой земли и грубо обработанных камней, полностью завалив вход и превратив Дина в узника подземной темницы.

В коридоре ободряюще крикнули, что немедленно примутся за работу и выкопают его; невнятные голоса долетали до него словно издалека. Сильный молодой голос Холлуэя, слышимый лучше других, известил, что его освободят в течение получаса, предлагая Дину смотреть на вещи философски и заняться любовью с принцессой, чтобы скоротать время.

Дин улыбнулся при мысли о своем заточении, прислушиваясь к лязгу заступов и лопат; звуки казались громкими в сравнении с царящей в гробнице тишиной. Постепенно он начал осознавать, как тиха была усыпальница. Давящая тишина, не нарушавшаяся неисчислимые годы, казалось, вновь вступила в свои права. Его одинокий маленький фонарь храбро горел, но углы усыпальницы тонули во мраке; изображения на стенах кривились неясными и изломанными контурами. Взгляд Дина упал на скорчившуюся на полу мумию, и воображение перенесло его к последней зловещей сцене, разыгравшейся здесь в прошлом. Он думал о принцессе, вероятно, молодой и, конечно же, прелестительной, брошенной здесь на медленную смерть в наивной вере, что красивая и порочная ее душа, заточенная в этих удушающих стенах, никогда более не вырвется на сво-

боду, дабы вновь сеять разрушение и гибель среди сынов человеческих.

Некоторое время он забавлялся своими фантазиями. Он сидел на полу, сложив руки на коленях, не сводя глаз с украшенной драгоценностями издевки в углу. Неожиданно он ощутил жару и замкнутость этого места, почувствовал, как пот выступает на лбу и руках; заметил также, что вокруг сгустился некий туманный ореол, в котором бессильно мерцал свет его фонаря.

— Поспешили бы эти бездельники! — раздосадованно пробормотал Дин. Он резко вскинул голову, выражение его лица изменилось, глаза заблестели от возбужденного недоумения. — Что это, разрази меня гром? Мне кажется, откуда-то веет духами — жасмином, клянусь Богом!

Он покачал головой.

— Какой-то неуловимый запах. Очередная шутка солнца. Никто из нас не пользуется духами — и уж тем более рабочее... — Он замолчал и усмехнулся. — Как бы то ни было, это место становится гнетуще тесным.

Затхлый воздух подземелья вызывал необъяснимое головокружение — его мысли расплывались, руки холодели. Задумавшись, он вдруг произнес:

— Черт побери! Уж не перепутал ли Ибрагим пузырек?

Он все более убеждался, что принял неправильное лекарство, и все больше злился на Ибрагима. Он ворчливо доказывал себе, что виной всему перепутанный пузырек, иначе он не испытывал бы сейчас такие диковинные ощущения. Его взгляд снова упал на мумию. На сей раз Дин устался на нее, не отрывая глаз под нахмуренными бровями и чуть разомкнув губы. Свет потускнел, голова кружилась. Его смятенный, зачарованный взор отметил медленное, неопределенное изменение в лежащих на полу останках, хотя отдельные стадии этих перемен оставались неуловимы. Мертвое лицо медленно поворачивалось к нему — так медленно, что Дин, как ни старался, не мог заметить движения; впалые щеки налились, покрытые теперь не высушенным пергаментом, но бархатистой смуглой кожей. Он увидел полные алые губы, скрывавшие двойной ряд совершен-

ных зубов; сморщенные руки показались ему плавными и изящными; волнистые изгибы и мягкие впадины груди и горла, внезапный блеск неведомых украшений... Он обхватил голову руками.

— Господи! Я начинаю бредить! — пробормотал он. — Это солнце — разумеется, солнце — ничем другим это не объяснить!

Но он почувствовал, как все тело задрожало в приступе мгновенного, безымянного ужаса, сжавшего его в тисках подобно кошмару тяжкого сновидения, про которое знаешь, что оно только снится, но не можешь пробудиться — и в этот миг осознал, что смутный аромат изменчивых благоуханий усилился, сделавшись ясно ощутимым; душный, навязчивый запах цветов жасмина, приторный и чувственный, принес с собой внезапную боль от невыносимой тоски по яркой жизни, оставшейся позади.

— Ничего не понимаю! — пробормотал он. И чуть позже, безотчетно, с неясным чувством, что слышал эти слова раньше:

— Ты видишь явления и твердо знаешь, что они существуют, но не можешь их объяснить.

После он вдруг обнаружил себя ползущим на четвереньках к скорчившейся фигуре, которая, он знал и видел, глядела на него живыми глазами, маня его тяжелым и сладким ароматом жасмина; и замер с внезапным выражением ужаса на лице, будучи вполне уверен, что сошел с ума и содрогаясь при мысли о том, что могло бы произойти, если бы он невольно дотронулся до трупа. Свет был тусклым, и в глазах его стоял туман, так что он не мог ничего разглядеть; но Дин знал, что *она* лежало недвижно, искоса поглядывая на него из-под ресниц взглядом, полным приглашения и искушения, а драгоценности на нежной шее и округлой груди подмигивали ему в неверном свете.

И тогда вся сила воли покинула его, растворившись в тонком, изнуряющем благоухании, что овладело его разумом и вскружило голову; и внезапно наступила минута, когда он не мог больше вынести это испытание. Он набросился на землю и камни, завалившие дверной проем, и при-

нялся разгребать их, бормоча бессвязные слова в слепом страхе того, чему не было названия.

После крик землекопов, раздавшийся совсем близко, достиг его слуха, и воздух туннеля, показавшийся небесно чистым и прохладным после удушья могилы, заполнил его легкие, словно струя бесконечно благодатной холодной воды. Когда Меррит и Холлуэй подошли к нему, он выпрямился, рассеянно улыбаясь, и бессильно упал на пороге.

Они вынесли его с вежливыми выражениями сочувствия, а он, теряя сознание, все бредил о мертвых существах, глядящих на него живыми глазами, о цветах, чья эссенция может увлечь человеческую душу в бездну адских мук, и о боли в голове, и о солнце, и о синих пузырьках. И тогда Ибрагим, дрожа от страха, нехотя признался, что не сумел найти в аптечке синий пузырек и принес вместо этого стакан чистой воды — «Именем Бог-Господь, сэары, очень чистой!» — ибо ему, Ибрагиму, было хорошо известно, какое наказание ждало бы его за опыты с лекарствами, назначения которых он не понимал.

И в открытую гробницу ворвалось свежее дыхание ночных ветров; забытая лампа Дина все еще горела внутри, на полу, отбрасывая пятна света на мертвое лицо и высохшие руки принцессы, и драгоценности ее все так же издевательски сияли.

Глава IV

«ОНА ОБОЛЬСТИЛА МЕНЯ»

Лагерь отходил ко сну, из палаток рабочих доносились обрывки разговоров — стычки из-за чайника, или мясного рагу, или игры в кости. После ужина Холлуэй, засунув руки в карманы и зажав в зубах сигарету, подошел к молча курившим Дину и Мерриту. Дин выглядел подавленным, голова его была повязана влажным полотенцем. Меррит, спокойный и задумчивый, наслаждался отдыхом после достойного трудового дня — отличной прелюдии к вечернему комфорту души и тела, когда можно расслабить все сжатые днем пружины.

— В какой ящик вы упаковали мумию для транспортировки? — вскользь спросил Холлуэй.

— Мы ее даже не паковали, — ответил Меррит, выколавывая трубку о каблук. — Сегодня на это не было времени, учитывая приключение с Дином и прочее. Мумия спокойно пролежит до утра в гробнице. Эти афеджи* не прикоснутся к ней и за самый неслыханный бакшиш. Вдобавок, Ибрагим стоит на страже и следит, чтобы они не шныряли вокруг.

— Не паковали? — переспросил Холлуэй с ноткой удивления в голосе. — Что ж, в гробнице ее нет. Мумия исчезла.

Меррит выпрямился и недоверчиво глянул на него.

— Как это понимать? — резко спросил он.

Холлуэй терпеливо ответил:

— Я подумал, что вы уже упаковали мумию, поскольку не увидел ее в гробнице. Я был там не далее как пятнадцать минут назад. И никакого Ибрагима там не было. Он мирно ужинал с этим... как его... с Хафизом, поваром. Держу пари, эти мошенники стащили мумию, чтобы завладеть драго-

* Название одного из племен Ирака,.

ценностями.

Дин и Меррит, ничего не ответив, одновременно вскочили и бросились к раскопу. Холлуэй не спеша двинулся следом, держа руки в карманах. На полпути он повстречал обоих — они возвращались, изрыгая проклятия.

— Итак? — осведомился Холлуэй. — Я оказался прав? Вот теперь начнется веселье.

— Еще бы! — рявкнул Меррит. Он повысил голос, зовя Ибрагима. Все трое уселись в ряд, как судьи грозного трибунала, расположившись так, что в лагере их никто не смог бы услышать. Явился Ибрагим, воплощение спокойствия и невинности. Меррит повел допрос на местном диалекте.

— Ибрагим, стоял ли ты на часах после того, как мы покинули гробницу? — спросил он медоточивым голосом.

— О да-а, сэр, — протянул Ибрагим не менее елейно.

— И как долго?

— До самый ужин. Мой живот стенать по козий жаркой и печенье. Сэры, он реветь. Потому я уходить. Сказать я себе, проглотить кусочек и возвращаться быстро. Не так долго не быть меня. Я уходить. Я быстро возвращаться. И минута не пройти.

Меррит повернулся к Холлуэю.

— Ты видел его у гробницы, когда пришел?

— Нет, сэр! — тотчас откликнулся Холлуэй.

— И долго ты там пробыл?

— Около часа, насколько могу судить.

— Возвратился ли он к тому времени?

— Нет, сэр.

Серые глаза Меррита приковали испуганного Ибрагима к месту.

— Пока ты, напрямую нарушив приказ, отсутствовал на посту, мумия была украдена. Теперь ты обязан найти ее. Ты понял или мне еще раз повторить на твоём жаргоне?

Он повторил свои слова на местном диалекте.

— Ты лично отвечаешь за розыски. Ты должен опросить людей, осмотреть весь участок, так как мумию могли где-то зарыть, перевернуть весь лагерь. До тех пор, пока мумия не обнаружится, жалованье тебе начисляться не будет.

Также ты не получишь никакого бакшиша и никаких подарков по возвращении.

Ибрагим, готовый на все, кроме потери заработка, принял жалкий вид. Он горевал безутешно, как дитя: он рыдал, он молил о прощении.

— Я находить мумия, сэар, находить совсем-очень быстро. Если эта сделать мои люди, я свирепый у люди забирать. Но дать мне подарки, или умирать я от голод. Я бедный человек, совсем бедный — мне уважительно нужен подарки, сэары!

— О, прекрати нести чушь и приступай к делу! — прорычал Меррит и повернулся к нему спиной.

Ибрагим пристыженно удалился с намерением возложить вину, коллективно и индивидуально, на каждого землекопа и каждую бригаду. Его продвижение по лагерю можно было проследить по буре гневных возгласов, призывов к Всевышнему восстановить запятнанную репутацию, яростных отрицаний всякой причастности.

Меррит коротко рассмеялся и растянулся на спине.

— Не кажется ли вам, что вся эта суматоха может... хм... спугнуть вора и заставить его бежать с награбленным? — спросил Холлуэй.

— Он не сумеет уйти далеко, — мрачно ответил Меррит, махнув рукой в сторону окружающей пустыни. — Если он попытается это сделать, мы недосчитаемся кого-то из рабочих и тотчас поймает виновника. Напротив, он может испугаться огласки и тайком подбросить мумию, когда поймет, что деваться ему некуда.

Однако ни на следующий день, ни день спустя мумия принцессы не была возвращена. Работы продолжались с прежним усердием и переменным успехом. Новые траншеи уходили все глубже в курган. Были обнаружены корзины, доверху набитые табличками, изготовленными из лучших сортов глины — многие из них в превосходной сохранности — а также терракотовые вазы, медная утварь, частью окислившаяся до неузнаваемости, и алтарь божества, чье имя было стерто, со следами жертвоприношений. Раскопали и дворцовую площадь, широкую и открытую, с фраг-

ментами клинкерной мостовой и остатками близлежащих залов. Дин старательно составил планы этих архитектурных сооружений, отметив их размеры, среднюю высоту и толщину уцелевших участков стен, системы канализации и вентиляции. Археологи сделали слепки с надписей, не подлежащих перевозке, тщательно обследовали фундамент, сфотографировали и описали здания. Но все это служило лишь подготовкой к раскопкам на нижнем уровне, где хранились, по мнению Меррита, более древние и ценные реликвии. Случались и бесплодные дни, и тогда Меррит грустил, вспоминая о похищении принцессы. Если дела шли удачно, он забывал о ней, радуясь новым находкам, но когда что-то не ладилось, он возвращался мыслями к мумии и горько ее оплакивал.

— Я собирался подарить эту мумию Национальному музею в Вашингтоне, — сетовал он, — а теперь, благодаря ненасытному аппетиту какого-то дурака-афеджи, она утрачена. Неужели так трудно ли день или два обойтись без ужина, когда на весах лежит такое открытие?

Но дурак-афеджи все еще находился в центре внимания и был намерен совершить еще немало подвигов. Однажды вечером он попытался похитить воск, которым собирался залечить жуткого вида порез, как принято у хирургов пустыни; Дин поймал его на месте преступления и сам надлежащим образом перевязал ему рану. И поэтому Ибрагим, с самого дня падения считавший себя незаслуженно обиженным изгоем, преисполнился благодарности и — как водится, на ломаном английском — сообщил Дину, что прошлым вечером исчез один из рабочих; землекоп, сказал он, не вернулся вместе с остальными на закате, в то время как человек, который последним видел пропавшего, тяжело заболел и лежал в лагере.

Все это Дин счел должным передать Мерриту. Археолог зевнул и сонно проворчал:

— Землекоп ушел спать за один из курганов. Не беспокойся, он вернется к завтраку.

Однако к завтраку рабочий не вернулся, тогда как больному становилось все хуже и он мечтал о смерти. Когда

любопытные товарищи стали расспрашивать его о причинах несчастья, он отвечал, что сказать не может и даже говорить об этом не желает; подобный ответ не вызвал прилива симпатии к больному, и посетители заметно поредели. Той же ночью Дину приснилось, что он вновь оказался заперт в гробнице; живые глаза на мертвом лице следили за ним, пока он пытался пробиться сквозь камни к воздуху и жизни. Впрочем, лицо во сне казалось не полностью мертвым — смуглая кожа плотно обтягивала кости черепа, но черты выражали теперь похоть, и жестокость, и злобное торжество. Дин проснулся, весь мокрый от пота, с ощущением удушья, таким же, какое испытал в тот незабываемый день в подzemелье, пораженный чувством грядущего зла. Он заснул и проснулся вторично, и чувство это растворилось без следа в ясных лучах утреннего света.

День спустя среди землекопов воцарилось некоторое беспокойство. Вечером Меррита посетила делегация с долгими жалобами на всевозможные треволнения. Ибрагима они назначили своим полномочным представителем; тот наслаждался возможностью блеснуть знанием английского и произнес длинную речь.

— Сэр Меррит не забывать, что эта город проклятый, совсем давно проклясть его Бог-Господь. Здесь могут быть плохой дела, очень плохой, как мы увидеть. Не есть хорошо откапывать то, что есть плохо. Эта алтар посвятить такой злобный Бог-Господь, что люди говорить, он светиться весь ночь. Здесь обитать духи — везде, везде повсюду. Так много, очень много духи в эта земля. Люди не нравиться эта. Хафиз, повар он, видеть вещь прошлый ночь. Делать его очень больной.

Он ухватил Хафиза за край его короткого и грязного ситцевого одеяния и вытащил повара вперед. Хафиз поначалу отмалчивался, но, очутившись в тесном кругу слушателей и получив приказание говорить, развел руками и быстро сказал:

— Ах, хозяин, то было создание, что приходит ночью с холмов, качаясь, как раскачивается под летним ветром пшеница, очень легкое, и зовет людей следовать за ним. Тар-

фа, тот, кто ушел и не вернулся, видел его и говорил, что это дух алтаря, который мы осквернили. Пустыня поглотила его, ибо прошло уже три дня с тех пор, как он ушел.

Затем, будучи добрым магометанином, Хафиз призвал Аллаха в свидетели, что он всегда старался держаться подальше от невидимых существ, что он был вынужден подчиняться приказам и что он — лишь цветок в руках Господа.

— Никак не пойму, что нашло на этих дикарей, — раздраженно сказал Холлуэй.

— Они всего-навсего немного нервничают, — заверил его Меррит. — Похоже, место это всегда, начиная с древнейших времен, пользовалось дурной славой. Рабочие суеверны и не понимают, с чем столкнулись. Лично я думаю, что Тарфа украл мумию и накануне побега выдумал историю о святищемся алтаре, чтобы сбить нас со следа. Да, безусловно, Тарфа и есть вор. Но он не так уж глуп и вряд ли решится бежать на север без воды и провизии. Повар говорит, что со склада он ничего не взял. Значит, единственным приемлемым маршрутом остается южное направление. И когда мы будем возвращаться тем же путем, несомненно найдем его — или то, что от него осталось — вместе с мумией.

— Но горы? Он ведь может направиться в горы? — предположил Дин.

Услышав это, Меррит только усмехнулся.

— Зачем ему горы? Думаю, он прежде всего захочет добраться до караванных путей, где он мог бы надеяться на помощь. Мумию он выбросит в пустыне, а драгоценности спрячет в своей одежде. Идти в горы — все равно, что на север, на верную смерть. Но никакие караваны не проходят ближе чем в пятидесяти милях от тех мест, куда он направился; а пятьдесят миль — не шутка для измученного человека без пищи и воды. О, мы еще вернем нашу принцессу!

На следующий день тревога лишь усилилась. Один из землекопов явился к Мерриту и рассказал, захлебываясь в истерике, что он, Мусса, видел человека, который пробирался между курганов, следуя за созданием, что все время сколь-

зило впереди него; и этим человеком был Хафиз, повар, что был с Тарфой и после хотел умереть. И Мусса, дрожа с головы до пят, описал это создание, так как сумел его разглядеть.

— Господин, было почти темно, и мы с Хафизом взяли еду, отошли в тень того кургана и сели ужинать.

Он махнул рукой влево, в сторону отдаленного холма выкопанной земли и щебня.

— И как только закатилось солнце, в тот миг меж днем и ночью, мы ощутили дуновение из райских садов блаженных душ, и было оно тихим и мягким, словно шепот женских голосов, и появилось Оно, медленно огибая курган, и поглядело на Хафиза, и поманило его. И пустыня больше не была пустыней, а стала садом, наполненным ароматом роз и соловьиными песнями. И то была женщина, мой господин, клянусь Аллахом, женщина, здесь, в этом месте, где женщин отродясь не бывало, и глаза ее были черны, а губы алели. Она стояла, покачиваясь в тени кургана, и манила; и я вскрикнул от ужаса, но Хафиз встал и двинулся к ней. И когда я попытался остановить его, он проклял меня и пошел вслед за женщиной, что смеялась и манила его, ибо сладостный запах ее был в его ноздрях и воля ее требовала подчинения. И когда я, в большом страхе, обошел курган, то не увидел их, ибо разлилась ночная тьма. Ах, господин, она была прекрасна, и преисполнена зла, и увешана драгоценностями, подобных каким не знали на этой земле.

Меррит резко повернулся к Ибрагиму, стоявшему у него за спиной.

— Кажется, я велел тебе не брать для рабочих никакого спиртного? Боже правый! скоро они начнут созерцать священных питонов и прыгающих ящериц!

— Не брать я спиртное, сэар, — прервал его Ибрагим. — Ни одна капля виски в лагерь. Солнце прикоснуться к ним здесь, — он со значением постучал себя по лбу. Меррит недоверчиво, с отвращением усмехнулся.

В ту ночь все трое засиделись допоздна, глядя на пустыню и мерцающие в небе звезды. Холлуэй первым нарушил долгое молчание.

— Наши землекопы — не дети, которые шарахаются от каждой тени. Полагаю, над всем этим стоит поразмыслить. С их точки зрения, место это действительно может показаться весьма странным. Здесь есть все необходимое для леденящей кровь истории о призраках: древний проклятый город, алтари неведомых богов, где приносились человеческие жертвы, эта мумифицированная принцесса с ее «дьявольской душой», драгоценностями и биографией, изображенной на стенах ее же гробницы; а теперь еще и исчезновения наших людей, одного за другим. Во всяком случае, друзья, я рад, что вы здесь со мной. Будь я один, клянусь Богом, не удивился бы, если бы и сам поверил в духов, о которых толковал Ибрагим. Я закончил бы тем, что бежал отсюда без оглядки.

Дин улыбнулся юноше сквозь облако табачного дыма; а Меррит сказал с суховатой душевностью, которую лишь Холлуэй, с его темпераментом, беспечностью и неожиданными контрастами воображения, даже более пылкого, чем у самого Меррита, был способен извлечь из него:

— О да! видал я, как быстро ты умеешь бегать, ты, юный сорвиголова. Через два-три дня они обо всем забудут. Они попросту считают своим долгом обеспечить любую экспедицию чем-нибудь сенсационным.

Холлуэй тяжело вздохнул.

— Откровенно говоря, я ничего не знаю! — признался он. — Я сдаюсь. Эта страна недоступна моему пониманию. Честное слово, если я пробуду здесь еще немного, буду готов поверить во что угодно.

Глава V

СОЛНЕЧНЫЙ УДАР

День спустя Ибрагим сообщил, что исчез Мусса. Ибрагим нервничал и не скрывал этого. Люди, заявил он, стали тревожиться; сам он будет счастлив, когда работы в этом крае завершатся. Место это нечестиво. Кроме того, он сообщил, что видел Муссу минувшей ночью и что Мусса вел себя странно, говорил не переставая о розовых садах и неведомых ароматах, названия которых никто не знал, и сказал, что если вновь увидит Женщину, непременно последует за ней. Следовательно, не могло быть сомнений в том, что Мусса сошел с ума, торжественно заключил Ибрагим, ибо Богу-Господу известно, что близ лагеря нет ни единой женщины, и никаких благовоний, одна лишь вонь скотного загона. О да — Мусса обезумел, лишился рассудка, иного объяснения и быть не могло. Вследствие этого, Меррит приказал обыскать лагерь, надеясь обнаружить припрятанное спиртное, но не нашел ровным счетом ничего. Люди стояли и молча смотрели, пока обыскивали их палатки. Той ночью в лагере никто не пел; землекопы собрались вместе и спали группами по три-четыре человека.

Несколько часов спустя Дин, возвращаясь к своей палатке, наткнулся на Холлуэя, который растянулся на земле, опираясь подбородком на руки.

— Осторожнее! — тихо сказал Холлуэй, не двигаясь с места. — Посмотри только на эту восходящую луну.

Его голос утратил обычную веселость и казался усталым. Дин решил, что юноша тоскует по дому и его, возможно, неплохо было бы немного приободрить; он принял прозвучавшее в словах Холлуэя приглашение и сел рядом. Луна, поднимаясь над величественным Холмом затерянного города, окрасила небосвод глубоким иссиня-черным цветом; земля предстала дремлющим морем светоносного серебра, окутанным бесконечным одиночеством и покоем.

— Да, великолепно, — вяло согласился Дин. Внезапно он сообразил, что восход луны, обыкновенно вызывавший у Холлуэя бурю поэтических восторгов, этой ночью никак того не вдохновлял. Он, всегда такой живой и деятельный, сделался вдруг рассеянным и безразличным. Дин гадал, не перегрелся ли часом молодой фотограф на солнце, когда Холлуэй нарушил молчание; говорил он с некоторой неуверенностью и стесненностью, благодаря чему внезапно показался Дину совсем мальчишкой.

— Знаешь, Дин, я вот раздумывал, есть ли, в конце концов, доля правды в рассказах наших землекопов? Я не имею в виду всю эту ахинею о женщине, но... сегодня вечером я сам кое-что видел.

— Где именно? — так же серьезно спросил Дин. Темнота скрыла улыбку иронической терпимости на его лице.

— Внизу, среди могил.

Голос Холлуэя звучал торжественно.

— Стало быть, какой-то козел вырвался на свободу, — бодро предположил Дин.

— О, можешь надо мной смеяться, если хочешь! — с неожиданной твердостью произнес Холлуэй. — Разумеется, дальше ты скажешь, что это был один из наших рабочих. Не исключая, но готов поклясться, что это было нечто иное. Для чего рабочим бродить здесь в такое время, когда и во имя спасения своей бессмертной души ни один из них не посмеет приблизиться к проклятому месту после наступления темноты?

— Тогда почему ты сам туда пошел? — спросил Дин.

Услышав ответ Холлуэя, негромкий, со странным задыхающимся хрипом, Дин выпрямился во тьме, пытаясь разглядеть лицо друга.

— Не знаю. Как ни... глупо это звучит, ничто... не может отвратить меня от этого места. Говорю тебе, Дин, я был там четыре последние ночи, каждую ночь, и я боюсь его до смерти.

— Если так, зачем же, ради всего святого, ты туда ходишь? — изумился Дин.

— Говорю же, я ничего не могу с собой поделать! — нетерпеливо ответил Холлуэй. — Не успеваю оглянуться, как я уже там. Скажи мне, Дин, когда люди получают солнечный удар, не наделяет ли это их способностью видеть вещи... которых на самом деле нет, понимаешь?

— Не знаю, — медленно начал Дин и умолк, вспомнив картину, что не покидала его теперь ни днем, ни ночью: тускло освещенная гробница, скорчившаяся на полу и блистающая драгоценностями мумия с горящими глазами и сам он, почти лишившийся чувств, сраженный ужасающим солнечным ударом, раздирающий голыми руками земляной завал в агонии идиотического страха.

— Да, это так, — решительно сказал он.

Холлуэй глубоко, с облегчением вздохнул.

— Хвала небесам! Если бы не это объяснение, я уж точно рассудил бы, что начинаю сходить с ума... Какая прекрасная ночь! Похожа на те, что бывают у нас на родине поздней весной.

Он с удовольствием потянулся, расслабил все свое мускулистое тело и поглядел вверх на повисшую в небе луну. Дин понимал, что Холлуэю было необходимо выговориться, по-своему излить терзавшее его смутное беспокойство, и слушал фотографа краем уха, не слишком вникая в его болтовню.

— Там есть холм позади старого дома, — продолжал мальчишеский голос. — Луна появляется из-за него точно так же, как здесь, когда восходит каждую ночь за Холмом затерянного города. И там есть большое старое яблоневое дерево, а прямо под ним разбита клумба, где растут фиалки. Я вдыхал их аромат целый день — словно в любую минуту мог посмотреть вниз и увидеть, как они растут в тепле и сырости. Забавно, как человек может заставить себя поверить, что чувствует запах цветов, тогда как на тысячу миль вокруг цветов нет и в помине, и как простое воспоминание об этом запахе возвращает его к давным-давно забытым вещам. Не пойму, отчего я вообразил все это, но воспоминание оказало на меня довольно любопытное действие: я начал скучать по своему маленькому щенку бультерьера, как

никогда и ни о чем не тосковал в этом бренном мире. Я отдал бы половину себя, чтобы он оказался сейчас рядом со мной и положил голову мне на колени; и я даже не знаю, почему так, ведь фиалки никак не связаны с бультерьерами.

Дин встряхнулся, сознавая лишь то, что Холлуэй продолжает говорить.

— Фиалки? — переспросил он.

— Я просто рассказывал о Кено, своей собаке, — грустно произнес Холлуэй. — Эта луна заставила меня вспомнить о доме, и о старом саде с фиалками — клянусь, я буквально чувствую их запах прямо сейчас — и одно потянулось за другим, и я стал думать о своем щенке. Больше я сейчас ни о чем и ни о ком не могу думать. Иди спать, не обращай на меня внимания. Интересно все же, не является ли это одной из стадий треклятой солнечной болезни. В таком случае, у меня налицо все симптомы.

— Что там за «одна из стадий»? — сонно отозвался Дин, в то время как Холлуэй замолк, не получив ответа.

— Э-э... ну, то есть, когда ощущаешь ароматы, которых не существует и прочее... Что, в чем дело?

Дин выпрямился, положил руку на плечо Холлуэя и легонько потряс фотографа.

— Ты тоже это испытал? — спросил он. — Послушай-ка, Боб, и ты это почувствовал?

— Да, я тоже, в каком-то смысле, — признался Холлуэй. — Я и не думал, что это произведет на тебя такое впечатление. Это ведь часть обычной программы, не так ли? — головокружение, боль в затылке, раскаленный железный обруч перед глазами, появление разного рода запахов и видений. Это.... это ведь симптомы? Определенно, симптомы — чем еще, разрази меня гром, это может быть? Не уверен, что все это меня тяготит; это не так уж неприятно, если подумать, но... ах! я даже не знаю! Я стал так чертовски скучать по дому...

Он прервал себя на полуслове и тревожно зашевелился в темноте.

— Я несу вздор, — сказал он твердо. — Думаю, это тоже симптом. Что ж, самое время пойти спать.

Он бросил взгляд на свою палатку, белеющую в отдалении под лунным светом.

— Лучше возьми себя в руки и постарайся избавиться от этих приступов, — ласково посоветовал ему Дин. — К солнцу в этих краях нельзя относиться легкомысленно, знаешь ли.

Когда Холлуэй побрел к палатке, Дин проводил прищуренными глазами. Затем он добрался до собственной палатки и зажег лампу. Используя кожаный дорожный сундук как письменный стол, он сделал несколько записей в дневнике и навел порядок в журнале раскопок и книгах учета находок; а тем временем снаружи сгущалась ночь и весь лагерь погружался в сон.

После он убрал бумаги и расстелил постель. Но не успел он протянуть руку, чтобы погасить лампу, как остановился, склонив голову и прислушиваясь. По ту сторону брезентовой стены, совсем рядом с палаткой, раздался тихий звук, словно рядом перекатилось и прошуршало чье-то тяжелое тело. Дин снял ботинки и бесшумно прокрался к выходу. Он глянул на залитый лунным светом пейзаж и резко отпрянул назад с быстрым вдохом.

— Господи! — пробормотал он. — Этот мальчишка!.. устроился здесь в одном одеяле вместо того, чтобы спать, как полагается, у себя в палатке... Он что, совсем обезумел?

На мгновение Дин задумался. После снова надел ботинки, шумно завозился, опять прислушался — и затем позвал как можно более естественным тоном:

— Эй, Холлуэй! Ты еще не ложишься? Заходи.

И усмехнулся, заслышав смущенный шорох по ту сторону брезента. Затем послышались шаги.

— Заходи, не стесняйся, — любезно пригласил он, — поллог не застегнут, — и вновь прилежно склонился над своим дневником.

Холлуэй вошел; Дин обернулся и поднял на него пыливый взгляд.

— Уверен, что я не помешаю? — спросил Холлуэй. Интонация его голоса заставила Дина присмотреться к фотографу внимательней.

— Ничуть, — ответил он. — Честно говоря, я в самом деле рад, что ты пришел. Я услышал, как ты... кхм... проходил мимо, и подумал — отчего бы не пригласить тебя в гости? Ты случайно не помнишь, в какой ящик мы упаковали слепок с надписи из библиотеки?

— Я... нет, кажется, не помню, — сказал Холлуэй. Он опустился на складной стул. — Дин, можешь мне дать какое-нибудь снотворное? Я... мне что-то сегодня совсем нехорошо. Это солнце — во всем виновато солнце.

Дин недоуменно и чуть нахмурившись посмотрел на него. Холлуэй напряженно вцепился обеими руками в края сиденья. Его лицо было бледно, светлые волосы взъерошены. Он плотно стиснул зубы, но уголки его губ время от времени подергивались. На плече виднелось длинное пятно, оставленное землей. Под взглядом Дина Холлуэй сейчас же беспокойно задержался.

— Ну хватит! — раздраженно воскликнул он. — Все дело в солнце, говорю тебе. Если мне удастся хотя бы одну ночь выспаться, я буду в полном порядке.

— Я дам тебе лекарство, — сказал Дин и отошел к аптечке у изголовья кровати. Затем оглянулся через плечо и добавил, пристально наблюдая за воздействием своих слов:

— Вот только тебе придется заночевать у меня. Когда прописываешь снотворное, нужен глаз да глаз, сам понимаешь.

Выражение лица юноши быстро и резко изменилось, но Дин успел заметить перемену — взгляд, исполненный облегчения, мгновенная расслабленность всех черт. Холлуэй поспешно спросил:

— А можно? — и прикусил язык, добавив: — О, я боюсь, что причину тебе жуткие неудобства.

— Ничего страшного, — Дин отвернулся и занялся лекарством. Он вынул из сетки с полдюжины плодов лайма и налил в жестяную кружку чистой воды из бачка, висевшего у входа в палатку. Затем выдавил в кружку цитрусовый сок, добавил немного сахара и несколько капель из синего

пузырька и смешал микстуру в стеклянном стакане.

— Это и младенцу не повредит, — удовлетворенно пробормотал он. — Дружеское общество — единственное лекарство, что нужно бедняге этой ночью.

Он быстро повернулся к Холлуэю.

— Держи, старина, — произнес Дин и увидел, как Холлуэй подпрыгнул при звуке его голоса, будто в него выстрелили, — пей медленно. Это поможет тебе заснуть, я полагаю.

Холлуэй принял кружку с благодарностью и глубочайшей верой в снотворное действие микстуры и послушно отхлебнул. Дин тем временем достал второе одеяло, негромко насвистывая сквозь зубы. В свете лампы при каждом движении тянулись за ним по брезентовым стенам искаженные тени.

— А теперь быстренько ступай в кровать, — распорядился он. — Через десять минут ты будешь спать и, гарантирую, без всяких сновидений.

— Да, но где тогда будешь спать ты? — спросил пациент, вставая.

— Не беспокойся об этом, — бросил Дин.

Холлуэй все так же послушно улегся в кровать, натянув одеяло до подбородка. Он издал глубокий успокоенный вздох, глядя, как Дин рассказывает по палатке; фотограф напоминает ребенка, нашедшего у родителей защиту от неведомых ужасов темноты. Дин завернулся в одеяло на полу, откуда ему было удобно наблюдать за Холлуэем, подложил под голову свой плащ вместо подушки и потянулся к лампе. Внезапно Холлуэй заворочался, сел на постели и быстро заговорил высоким голосом:

— Дин, погоди минутку! Лучше уж я расскажу тебе все начистоту. Будь я проклят, если собирался вторгаться к тебе посреди ночи. Я совсем не болен, и со мной ничего ужасного не произошло, за исключением приступа самого настоящего животного страха. Не знаю, почему тебе показалось, будто я проходил мимо. Правда же в том, что я лежал, укрывшись одеялом, около палатки, где мог слышать твои шаги внутри и скрип твоего пера. Все, чего мне хотелось — это оказаться рядом с другим человеком, слышать его и со-

завать, что я не остался наедине с Этим. Я понимал, что стоит мне провести еще час в своей палатке, и я вновь окажусь внизу, среди могил. Да, я был испуган, до смерти испуган — сам подумай, приятно ли мне в этом признаваться — но, клянусь Богом, я даже не знаю, что так испугало меня. Я и не думал приходить и мешать тебе. Достаточно одеяла и места на полу — мне не нужна твоя кровать.

Он дернулся и спустил ногу на пол. Дин сбросил одеяло, вскочил и толкнул Холлуэя обратно.

— Лежи, где лежишь, Боб. Эти дела сказались на твоих нервах, только и всего. Боже правый! не тревожься о кровати. Надеюсь, ты не считаешь, что для меня впервой ночевать на полу? И я очень рад, что ты пришел ко мне, раз уж тебе так досталось. Нет ничего хорошего, когда человек в твоём состоянии вдобавок остается в одиночестве. А теперь давай спать, идет?

Холлуэй наконец успокоился. Дин вернулся в свой угол и лег. Наступила долгая тишина. Внезапно Холлуэй произнес из глубин одеяла, словно нечто само собой разумеющееся:

— Ну и адское же здесь местечко, как по-твоему?

Глава VI

ТОТ, КТО УШЕЛ

Проснувшись утром, Дин обнаружил, что его пациент уже удалился. Холлуэй явился к завтраку, в сером тумане рассвета, держась с чрезвычайным достоинством и деланным равнодушием. Дин благоразумно не упоминал о случившемся ночью, и Холлуэй мало-помалу начал сбрасывать свою чопорную маску.

Дин провел большую часть утра, прилежно упаковывая ящики с древностями для безопасной перевозки. Меррит, как обычно, был на раскопках со своими людьми; Холлуэй неустанно фотографировал руины. Он яростно обругал своего боя, когда последний перевернул кювету с фиксативом, что было весьма необычно для всегда добродушного и беспечного Холлуэя. Затем они с Дином заспорили о вопросе, серьезность которого грозила ввергнуть всех троих в бедственную гражданскую войну. Ссора началась с заявления Дина, объявившего *à propos* обеда, что единственно правильный способ приготовления коктейля из семейства мартини заключается в добавлении половины ложки шерри после того, как прочие ингредиенты будут подобающим образом смешаны, хотя можно обойтись и без этого. Холлуэй решительно высказался в том смысле, что шерри, в целях должного смешения, необходимо добавлять прежде вермута; далее он пообещал приготовить для Дина образчик коктейля по данному рецепту в «Уолдорфе»* в вечер их прибытия в Нью-Йорк и угостить его ужином с шампанским, если упомянутая теория окажется неверна. Они с жаром препирались; Меррит, необдуманно взяв на себя роль посредника, быстро оказался в положении *hors de combat*** и был

* Имеется в виду знаменитая и роскошная гостиница «Уолдорф-Астория», находившаяся в то время на Пятой авеню.

** Вышедший из строя (*фр.*).

вынужден с позором удалиться. Противники осыпали друг друга красноречивыми инвективами, давно позабыв о *casus belli**, и в конце концов разошлись, надутые, как двое сердитых детей, в дальнейшем с высокомерным презрением игнорируя друг друга. Меррит, озадаченный до крайности, пытался пролить бальзам на их раны, уверяя, что оба в равной степени правы — дескать, любой из рецептов ничуть не уступает другому, винить же во всем, в том числе и в их, гм... раздражительности следует солнцу. На это Холлуэй возразил, что солнце здесь совершенно не при чем — дело лишь в неисправимой ограниченности некоторых лиц, считающих свою точку зрения непогрешимой истиной. Дин заметил, что вопрос вовсе не в этом, однако... и резко оборвал себя. Вслед за сим Холлуэй, превратно заподозрив в его замечании скрытую насмешку, бросил на Дина разъяренный взгляд и зашагал прочь.

— Что это с ним? — воскликнул Меррит с несколько раздраженной усмешкой.

— Кажется, он вообразил, что я собрался попрекать его, припомнив один... хмм... случай, — кратко ответил Дин. — Его стоит поучить хорошим манерам: нечего лелеять обиды. Отвратительная неотесанность! Знал бы, к чему это приведет — никогда не стал бы с ним спорить.

После обеда Дин с головой ушел в работу. Время от времени, отрываясь от своих списков и карточек, он чуть заметно улыбался, вспоминая бессмысленную перепалку; испытывал он и легкие уколы отеческого негодования по поводу того, что сам же назвал «холлуэевской невоспитанностью».

За ужином Меррит огляделся вокруг, словно что-то внезапно потерял, и спросил:

— Где же Холлуэй?

Дин, открывая жестянку с абрикосами, снисходительно ответил:

— Все дуется, я думаю. Обычно он не склонен выходить из себя. Я всегда считал его довольно-таки добродушным

* Причина войны (лат.).

малым.

— Так и есть! — подтвердил Меррит. — Мне кажется, Дин, ты был с ним немного грубоват. Солнце в этих краях имеет свойство пагубно действовать на людей, а ведь парнишка еще не набрался опыта... Но вернемся к этой «негасимой лампаде». Я собираюсь отправить ее доктору Пибоди из вашингтонского музея, с приложением письменного описания обстоятельств, при которых она была найдена. К светильнику я не прикасался, только упаковал его в ящик под литерой D. Надеюсь, Пибоди сумеет извлечь все, что находится внутри. Это может решить — или, скажем, помочь решить — задачу, над которой ученые бьются многие годы, а именно проблему вечного света. По окончании исследований мне хотелось бы выставить светильник вместе с табличками и вазами. Кстати, как подвигается упаковка?

Они мирно курили вечерние трубки и обсуждали свои планы и проекты. Порой Дин ловил себя на том, что прислушивается в ожидании быстрых мальчишеских шагов и взрыва жизнерадостного смеха.

На следующее утро, в разгар работы, Дин решил, что необходимо сделать снимок мозаичного пола, так как фотография поможет при будущей реконструкции правильно собрать пронумерованные плитки, и отправился за Холлуэем и его камерой. В то утро Меррит приступил к работе раньше обычного; Дин слышал, как он кричит со дна траншеи, призывая к себе Ибрагима из другого рва. Дин быстро направился к нему и, поглощенный своими делами, отрывисто спросил:

— Где Холлуэй? Мне нужен снимок пола в квадрате 14. Меррит взглянул на него с внезапной мрачностью.

— Ты разве не знаешь? Холлуэй этой ночью не вернулся в лагерь. Я отправил нескольких людей на поиски среди гробниц. Должно быть, он упал и поранился. Возможно, забрался в туннель и попал под оползень.

Потрясенный этим известием, Дин похолодел. В голове билась одна-единственная мысль: «Двое уже пропали! что, если парень стал третьим?»

— Он... он должен быть где-то здесь, — сказал Дин с наигранной беззаботностью. Меррит сдвинул шляпу на затылок жестом, полным тревоги и замешательства.

— Надеюсь, что так! — медленно произнес он. — Без сомнения, он скоро найдется. Но... вспомни о Тарфе и Хафизе!

— Быть может, он вернулся, а потом снова ушел совсем рано, и мы его не заметили, — предположил Дин. В глубине души он знал, что надежды его тщетны. Меррит покачал головой.

— Нет, я спрашивал Хамда, его боя.

Было видно, как Меррит борется с отчаянием, с предчувствием безысходности.

— Они найдут его к полудню, скорее всего, — сказал он, стараясь приободриться. — Если нет — что ж, мы отправим на поиски больше людей. Признаться, я опасаюсь, что у него недавно случился солнечный удар. Он вечно трудится, готов взяться за любую работу, какая только подвернется, так что я... боюсь, я часто забывал, что он еще зелен, что за ним нужно присматривать, и требовал от него большего, чем он мог выдержать. А он продолжал работать, бедняга, пока не падал от усталости, и никогда не жаловался. Это худшая его черта — не поймешь, когда он доходит до крайности. О да, он вернется вместе с землекопами к полудню, я уверен.

Они еще долго успокаивали себя, повторяя эти слова. Но ближе к вечеру серое лицо Меррита сделалось еще более серым и озабоченным, а Дин молчал и был погружен в свои мысли. Он откровенно признавался себе, что поступил с Холлуэем грубо; неужели и сам он перенес солнечный удар? Он вспомнил ночную сцену в палатке — высокий мальчишеский голос и нервное признание: «Все, чего мне хотелось — это оказаться рядом с другим человеком, слышать его... Я понимал, что стоит мне провести еще час в своей палатке, и я вновь окажусь внизу, среди могил... Ничто не может отвести меня от этого места... Я был там четыре последние ночи, каждую ночь, и я боюсь его до смерти». Дин блуждал в лабиринте напрасных сожалений. Неужели Холлуэй нуждался в нем прошлой ночью, нуждался в поддержке, в человеческом обществе, и не решился прийти из-за

глупого спора, страшась насмешек и презрения? Сражался ли он со своим безумием в одиночестве, час за часом, во тьме, и наконец сдался и побрел в то место, что так его ужасало — и что случилось там? Дину знал, что в подобных душевных катастрофах воображение играет пугающе реальную роль, стоит ему овладеть своей жертвой. И Холлуэй... при мысли, что он мог уйти, как ушли те двое и, как они, бесследно исчезнуть с лица земли, Дин начал мерить лагерь шагами, раздираемый тревогой.

Ибрагим, обжигаясь, преданно грел на огне кастрюльку с лакомствами, оставленными с ужина для Холлуэя, которого он очень любил; десятник заметил судорожные метания Дина и поднял голову.

— Хозяин не отправит больше люди, — печально сказал он.

Дин кивнул. Ибрагим перевел взгляд на кастрюльку.

— Сэр, я просить слово, очень уважительно. Что это значить? Что означать «скрыть дрости... эрайшо»?

Дин задумался.

— Что-то не пойму! Где ты это слышал?

— Мистер Холлуэй сказал эта. Мне. Прошлый ночь. Я сидеть у огня. Он быстро подходить, видеть меня и стоять. Он сказать: «Ибрагим, поздно уже, верно?» Я говорить — да, очень поздно. Он говорить: «Ибрагим, я видеть она, та женщина, который ты звать джинн». Так и сказать.

— Женщина! Снова это пустое суеверие! — со вздохом сказал Дин.

— Я говорить: «Сэр, ради Бог-Господь, не ходи. Быстро идти и ложиться спать». А он сказать: «О, я и не думать ходить за она, ты, старый дурак. Просто прогуляться вниз к могилы немного». Потом засмеяться и сказать: «Скрыть в Небо-Земля больше... дрости эрайшо»... и я не знать, что еще. Какой-то совсем есть плохой английский, да? Тогда он уходить, а я после идти к дыра и смотреть вниз, искать он. И видеть, как эта близиться там ко мне, сэр, весь лицо белый, глаза зеленый как огонь, скользить вдоль земляной холмы, как кошка в ночь, и говорить так тихо: «Я не уходить... не

уходить». А он идти, и я бежать быстро к мои люди, и падать, и скользить, чтобы духи не догнать.

Дин бросился к Мерриту.

— Я сам буду искать парня. Если Ибрагим говорит правду — он, боюсь, ушел вслед за Тарфой и Хафизом.

Меррит поднял глаза.

— Ты имеешь в виду...

Дин горестно кивнул.

— Да. Кажется, он видел то же самое. Он говорил об этом Ибрагиму.

— Почему же Ибрагим не остановил его? — в гневе вскричал Меррит.

— Потому что он глупец, — ответил Дин. — Я возьму с собой полдюжины людей, запас еды и всю воду, которую ты сможешь нам выделить. В каком-то смысле, — он глубоко вдохнул сквозь зубы, — я чувствую здесь и долю своей вины. Видишь ли... недавно мальчик приходил ко мне и рассказывал об этих вещах. И мне не следовало говорить с ним так, как вчера. Я должен был помнить.

Вдруг он ударил кулаком о раскрытую ладонь.

— О, это непредставимо! — хрипло воскликнул он. — Не верю, что мальчик попал в беду! Он должен быть где-то поблизости; конечно, мы нагоним его через несколько миль! Господи, зачем мы только нашли это проклятое место!

Спустя два часа поисковая партия тронулась в путь. Дин, помедлив, подошел к Мерриту и протянул ему руку.

— Попрощаемся, — сказал он. — Можешь поднять флаг на вершине самого высокого холма и оставить его там, пока мы не вернемся?

Меррит крепко пожал ему руку.

— Да, — сказал он. — Я сделаю это. Даст Бог, вы найдете бедного парня целым и невредимым. Но... береги себя, Дин. Помни, что если ты не найдешь его в течение недели... дальнейшие поиски будут лишены смысла.

Они поскакали в сторону темнеющего востока, прочь от заката; и Меррит молча стоял и смотрел им вслед, не шевелясь, пока они не превратились в черные точки, ползущие по дну пустыни.

Вслед за тем Меррит столкнулся с новыми неприятностями. На четвертый день после отъезда Дина в лагерь во время ужина прибежал рабочий, пронзительно вопя. Весь лагерь собрался вокруг, слушая его; все нервничало и ждало новых бедствий. Ибрагим потащил его к Мерриту, рассекая возбужденную толпу, и рассказал, что после того, как прочие землекопы ушли, человек этот вернулся в самый дальний раскоп в поисках забытой кирки и обнаружил мумию принцессы в неглубокой пещере среди груды щебня. Далее Ибрагим заявил, что люди требуют немедленно разрешить им замуровать мумию обратно в гробницу, дабы злые чары этого места были разрушены.

Это требование одновременно удивило, позабавило и возмутило Меррита. Находка мумии — большая удача; рабочий должен быть вознагражден. Но о возвращении мумии в гробницу не может идти и речи. Совершенно бессмысленно со стороны рабочих связывать безобидную кучку высохшей кожи и костей со всеми своими бедами; это предположение не стоит даже всерьез рассматривать. Итак, мумия должна быть извлечена и бережно упакована этим же вечером. Нашедший незамедлительно пойдет к раскопам с Мерритом и укажет местонахождение пропавшей мумии. Землекоп тщетно протестовал. Серые глаза Меррита вселяли в него благоговейный трепет; рабочему пришлось уступить, предварительно испросив у своих товарищей все амулеты, какие ему согласились одолжить. Снаряженный и укрепленный таким образом против козней Дьявола, он, дрожа и подвывая, повел за собой Меррита мимо ближайших к лагерю траншей к одному из старых раскопов. Здесь он осмотрелся и подошел к небольшой пещерке, скрытой за грудой щебня.

— Это то самое место, господин, — сказал он и осторожно двинулся вперед на разведку. Но вдруг он упал на колени, схватился за свои амулеты и принялся молиться, как одержимый.

— Ты перепутал место, — строго сказал ему Меррит. — Здесь нет никакой мумии.

— Но это то самое место, господин, где час назад глаза мои видели мумию. Клянусь Аллахом, то самое место! Она исчезла, и потому, что я искал ее, гнев ее падет на меня и я погибну так же, как мой господин и мои друзья. О, хозяин, уйдем отсюда! Место проклято. Это логово злой души, которую мы освободили от смерти, и теперь она заманит нас в смерть. Ай, господин, идемте скорее!

— Убирайся, несчастный трус! — пробормотал Меррит на яростном англо-саксонском и отпустил рабочего взмахом руки. Землекоп не понял слов, но осознал смысл жеста и помчался прочь. На протяжении часа Меррит терпеливо обыскивал курганы, заброшенные рвы, пустынные гробницы. Один раз поднял глаза, почувствовав на себе чей-то взгляд, и раздраженно произнес:

— Возвращайся в лагерь, говорю тебе! Работать ты не желаешь, а зрители мне здесь не нужны!

Чуть позже он с растущим гневом повторил свой приказ. Не найдя в конце концов ничего, он пришел к убеждению, что рабочий соврал. Он направился обратно в лагерь, разгоряченный и полный отвращения, и послал за виновником, который явился, излучая полнейшую безмятежность.

— Почему ты солгал мне? — спросил Меррит. — И когда я отослал тебя в лагерь, зачем вернулся? Хотел посмеяться, глядя, как я следую твоим бесполезным указаниям?

— Я не покидал лагерь, господин мой, — заявил землекоп. — И там, где я сказал, я видел мумию. Она была там. Я не знаю, когда она ушла; не ведаю, куда ушла.

— Довольно. Возможно, ты не знаешь. Но больше никаких сказок. Я этого не потерплю. Понятно?

Но наутро у Меррита возникли новые затруднения. Ибрагим, с взволнованной и сердитой гримасой на смуглом лице, пришел к нему и сказал, что люди наотрез отказываются спускаться в раскопы. Рассказ землекопа сделал свое дело. Они были испуганы, в чем честно признавались; они готовы на все, лишь бы угодить господину, которого любят так же, как своих отцов и матерей, но входить в проклятый город и его кишашие дьяволами подземные гробницы они не станут. Меррит понял, что должен действовать осторож-

но, иначе может разразиться мятеж. В лагере воцарился суеверный страх; рабочих была сотня против него одного. Только тот землекоп, что поднял накануне ложную тревогу, был на его стороне. Три дня они трудились вдвоем, делая все, на что способны две пары старательных рук; все это время армия прогульщиков ела, слонялась по лагерю, курила и спала в тени, на удивление благорасположенная к Мерриту, но вежливо упрямая, словно мул, когда доходило до работы.

Затем преданный землекоп исчез, как и три человека до него — ночью, в тишине и тайне. Это вызвало откровенную панику. Люди совершенно уверились, что среди них угнездились беспощадное и деятельное зло; каждый считал себя следующей жертвой. Ибрагим намекнул Мерриту, что в приступе ужаса землекопы вполне могут собрать животных и провизию и скопом бежать, взяв закон в собственные руки; и тогда Меррит вскочил со складного стула и вышел на солнечный свет, стиснув зубы, с глазами, горящими огнем в предвкушении битвы. Рабочие, собравшиеся было в тихо бормочущие кучки, разошлись, как только Меррит появился среди них. Он воспользовался кратким перевесом внезапности и заговорил, негромко, без гнева, но так, что каждый слышал его голос и чувствовал, как мужество покидает его под огнем серых саксонских глаз. Меррит говорил на арабском, и речь его была понятна всем; он стоял на холмике щебня, с непокрытой головой, безоружный, а ворот рубашки открывал его загорелую шею; он запрокинул голову, господствуя над всеми одной только силой воли и на следием крови, что текла в его жилах.

— Послушайте, люди, вы давно уже не дети, и вам нечего бояться темноты. Не стану отрицать, странные вещи происходили в последнее время, но они кажутся странными только потому, что до сих пор мы не нашли для них верное объяснение. Разве вы сами это не понимаете?

Одна-две головы с сомнением кивнули.

— Я не собираюсь с вами спорить, я даже не стану вам говорить, что вы ослы. Что касается Дахира, который ушел этой ночью — откуда вам знать, что кто-то из вас, в отмест-

ку за его преданность мне, не припугнул его в темноте; и вот он, считая, что длань Зла опустилась на него, решил искать спасения в пустыне?

Рабочие не знали. Они быстро поняли, куда клонит Меррит — арабы отнюдь не глупцы — и принялись совещаться. Каждый был уверен, что он ничего подобного, само собой разумеется, не делал — но не смог бы поклясться, что в этом неповинен другой.

— Любой может сейчас уйти, — продолжал Меррит, и все головы тотчас повернулись к нему. — Но уйти он должен уйти без пищи и без воды, так как я не намерен снаряжать никакие частные экспедиции. Если он того хочет, пусть идет отсюда на запад, где в четырех, самое большое — пяти днях пути лежат караванные тропы. И если удача ему улыбнется, он встретит проходящий караван и получит еду и питье. Если же нет, что ж... может быть, пожалеет, что не остался здесь.

Он помолчал, позволяя слушателям как следует усвоить эту мысль.

— Но те, кто останется со мной, — его голос набрал силу, — будут работать в траншеях или снаружи согласно моим распоряжениям. Я не потерплю ни прогулов, ни жалоб. Три дня я ждал, не поумнеете ли вы; больше я ждать не желаю. Выбирайте: вы уходите или остаетесь?

Пораженный вздох последовал за этими словами. Они ожидали, что время само подскажет им решение, а на Востоке время означает вечность. Жесткая необходимость решать сейчас же, немедленно, застала их врасплох. Они сомневались, переговаривались, сразу сделались беспомощными и нерешительными. Меррит заговорил снова:

— Если вы уходите, можете бродить где угодно и гибнуть как вам заблагорассудится. Но если останетесь, вы будете повиноваться моим указаниям без всяких возражений, будете целиком и полностью послушны моим приказам, ибо хозяин здесь я!

В его голосе звучали угроза, и власть, и предостережение. Люди роптали. Глаза Меррита сверкнули; он соскочил с пригорка. Он был безоружен, но они отпрянули. И в

этот миг в толпу ворвался звук, и Ибрагим, повернувшись на месте, громко закричал, бросился к Мерриту и принял-ся трясти его за рукав:

— Смотреть! Глядеть, сзар! О, Бог-Господь, смотреть гля-деть!

Вся толпа обернулась. К лагерю, шатаясь и спотыкаясь, мчался по пескам человек, изможденный скелет в развевающихся лохмотьях; приблизившись, он трижды хрипло выкрикнул: «Меррит! Меррит! Меррит!» и пронесся мимо, не глядя ни вправо, ни влево, пошатываясь, как пьяный, задыхаясь, словно загнанная лошадь. На мгновение люди застыли неподвижно; но, услышав голос, Меррит понял все и метнулся вперед, схватив бегущего за руку.

— Дин! Дин! Бога ради, что произошло?

И Дин остуился, выпрямился, пошатнулся и медленно осел на землю, закрывая лицо руками; Меррит поддерживал его за плечи.

Побледнев от неприкрытого ужаса, археолог поднял голову.

— Воды, кто-нибудь! — крикнул он.

Принесли кружку, но Дин не потянулся к ней, пока Меррит заботливо не поднес ее к его губам. Тогда он схватил кружку, с рычанием, как голодный зверь, разом осушил ее и хрипло рассмеялся.

— Дай еще! — выдохнул он и попытался встать.

— Тише, дружище! остынь! — успокаивающе произнес Меррит и усадил его обратно на песок. — Не бойся, воды ты получишь достаточно.

Он подал Дину вторую кружку и плеснул воду на иссохшую, покрытую грязью кожу, которая впитала влагу, как растение впитывает дождевые капли.

— Мне пришлось там тяжело, — внезапно заговорил Дин. Его речь, вырываясь из пересохшей гортани, была невнятной, на удивление пылкой, но в то же время нерешительной, слова складывались в короткие, разорванные фразы. — Мои люди бежали, когда я стал настаивать на продолжении поисков. Они забрали с собой всю еду. И воду. Понимаешь, — с болью продолжал он, — я... не нашел его.

Две ночи тому — когда это было? Забыл. Я провел там много, много лет. Но что-то случилось. Увидел, как что-то убеждает от меня. Стал преследовать. И когда нашел... — он замолчал. — Не знаю, как описать. Тем утром я хорошо видел твой флаг, был уверен в направлении. Но я пошел дальше, держа его в поле зрения. И чуть не заблудился. Услышал ваши голоса. И побежал, начал звать тебя.

Он снова умолк. Меррит, протянув ему кружку с водой, неуверенно сказал:

— Я не совсем понимаю. Почему ты говоришь: «Услышал ваши голоса?» Ты должен был, конечно, заметить лагерь прежде, чем услышал нас. Неужели мы подняли такой шум...

И после его слов повисла тишина, неожиданная, полная скрытого смысла. Меррит вдруг увидел, как руки Дина стали сжиматься с такой силой, что костяшки пальцев побелели, они сжимались в кулаки, пока не стали трястись от напряжения. Очень медленно, совершенно невыразительным голосом Дин произнес:

— Я думал, ты уже давно догадался, Меррит... Я ослеп.

И вновь тишина. Кружка в руках Меррита осталась наклоненной, вода лилась на землю. Почти шепотом он спросил:

— Как это случилось?

— Я расскажу тебе. Позже. Можем мы уйти отсюда? Я чувствую солнце, — сказал Дин. Он поднялся на ноги, с трудом сохраняя равновесие и пытаясь подавить свою слабость. Меррит взял его под руку и повел к своей палатке. За ними последовала толпа арабов — любопытных, как дети... не понимающих, что произошло...

Той ночью, лежа на постели с мокрым полотенцем на голове, Дин в темноте поведал свою историю Мерриту.

Глава VII

ТОТ, КТО ВЕРНУЛСЯ

Меррит сидел у входа в палатку, курил и поглядывал то на долговязую фигуру, лежащую на кровати, то на ночную пустыню и угадывавшиеся в темноте курганы. Голос с Дина был тихим и медленным, время от времени он надолго затихал, как будто собирался с силами.

— Я не вполне отчетливо помню подробности, — начал он. — Если я вдруг начну говорить бессвязно, то только потому, что не могу сложить все воедино. Мы двигались кругами. Три дня люди держались молодцами. Затем мы достигли скал, где я ожидал обнаружить хотя бы останки арабов, но мы не нашли ничего. После того, как мы покинули скалы, люди начали роптать. Они заявили, что нет смысла продолжать поиски и что они хотят вернуться. Каждый новый день приносил лишь пустоту неудач. Холлуэя уже не могло быть в живых, найти мы могли только тело. Я терпеть не могу сдаваться, но чувствовал, что не вправе рисковать жизнью своих людей. Поэтому я сказал им, что на следующий день мы двинемся обратно. Но в ту ночь мимо нас, милях в двенадцати или четырнадцати, прошел караван. Люди оставили меня и присоединились к каравану. Они унесли с собой все, за исключением моей подзорной трубы, компаса, бурдюка с водой и еды, что была при мне. Я... я пошел назад. На... — он остановился, с видимым усилием стараясь вспомнить, — думаю, это было на третий день... кончилась вода. Следующим утром, на рассвете, я увидел флаг. Его нельзя было различить невооруженным глазом; он был едва заметен в подзорную трубу. Если бы не это, я бы, наверное, умер... там. В то утро я прошел немало миль. Не было и клочка тени, а солнце палило немилосердно. Около полудня впереди что-то промелькнуло. Сперва я решил, что это Холлуэй, чудом выживший и спятивший от солнца. Во всяком случае, я не собирался рисковать. Я погнался

за ним. К счастью для меня, это нечто двигалось примерно в направлении флага, строго на восток. Я понял, что случилось, когда солнце стало полыхать жаром, словно открытая духовка. Но к тому времени беду уже нельзя было отворотить. Мой мозг сгорал; голову будто сжимал железный обруч. Я чуть с ума не сошел от боли. Сейчас мне кажется, что я впал в горячку — каждый раз, приходя в себя, я вновь начинал преследовать в пустыне это адское существо. Через некоторое время оно остановилось. Я подумал, что оно легло наземь, но не исключено, что зрение изменило мне. Я видел звезды и вихри. И потом что-то лопнуло у меня в голове, и свет угас.

Он глубоко вздохнул. Его голос звучал все так же медленно и однообразно и был лишен всякого выражения.

— Какое-то время я... оставался там же. Затем я поклялся, что вернусь, несмотря ни на что, или умру в пути. Я пошел вперед, стараясь двигаться прямо на восток и держать прежнего направления. Этот страх, что я невольно стану кружить на одном месте, пока не выбьюсь из сил; это чувство ужасающей беспомощности, невозможность узнать, иду ли я в правильную сторону либо же мне лучше просто лечь на песок и дожидаться конца... Говорю тебе, Меррит, то было путешествие в ад и обратно.

Его голос слегка задрожал. Меррит, сидя в проеме палатки, отвернулся.

— То, что я расскажу тебе сейчас — не более, чем воспоминание о моих бредовых видениях, — продолжал монотонный, сдержанный голос. — Не знаю, как долго я так скитался. Как ты можешь догадаться, шел я очень медленно. Неожиданно я обо что-то споткнулся. Я пошарил вокруг по земле и мои руки наткнулись на какой-то предмет. Это... это было тело, Меррит, высушенная скорлупа, которая отозвалась гулкой пустотой, когда я по ней ударил. Не знаю, чье это было тело. Быть может, мальчика. Они так быстро высыхают на этом солнце, ты же знаешь... Это стало для меня жесточайшим потрясением. Я не знал, что делать. Я так боялся сбиться с пути, что весь, душой и телом, был сосредоточен только на этом, так что едва осме-

ливался повернуть голову или остановиться... Я вновь потянулся к телу, надеясь, что одежда поможет мне его опознать, но тело выскользнуло у меня из рук — и я никак не мог его найти. Я принялся ощупывать песок, но не позволял себе слишком далеко поворачиваться в ту или другую сторону, чтобы не потерять направление. Тело могло лежать в футе от меня, но я не нашел его. Тогда я сказал: «Да помилует Господь твою душу, кто бы ты ни был!» — и пошел дальше, оставив тело лежать там. Но если это был Холлуэй — если это был наш мальчик! Найти его, и не узнать, и бросить в пустыне! — он зашелся в судорожных рыданиях. Затем продолжал, спокойно, как и раньше.

— Он был одним из Нас, нашей речи и нашей крови. И мы были здесь для него всем... Нет нужды рассказывать о последующих днях. Думаю, прошло дня три. Мой бурдюк был пуст. Я жевал сухие бисквиты, пока губы не стали кровоточить. По утрам я шел туда, где вставало солнце, опалая жаром мое лицо. Я разбил стекло своих часов, чтобы ощупью находить стрелки и узнавать время; после полудня солнце должно было оказаться позади меня. Утром я шел в направлении солнечного жара, а по ночам боялся пошевелиться, страхась пойти в неверную сторону. О, эти ночи! Боже мой! Эти ночи! — его голос упал до шепота. Но минуту спустя он продолжил рассказ, спокойно, размеренно, без всякого выражения.

— Время от времени мне снились полубезумные сны, которые я после не мог отчетливо припомнить. Обычно я оказывался в саду, где запахи жасмина и жимолости были так сильны, что сердце рвалось из груди, и со мной была женщина, чье лицо я не мог разглядеть. Мне часто снилась принцесса — возможно, потому, что мысли о ней не оставляли меня — и я все время видел ее такой, какой она была когда-то, а не в виде той... вещи, что мы нашли. В одном сне, который мне запомнился и который я никогда не забуду, я видел мальчика — нашего мальчика, там, в этом саду. Он лежал лицом вниз на земле — клянусь, я мог бы прикоснуться к нему, настолько явственным все это казалось! а женщина нагнулась над ним — о, Меррит, то было пре-

краснейшее создание, когда-либо сотворенное Богом или Дьяволом! Я никогда не был особо расположен к волокитству, но в этом сне — я хотел задушить его, выдавить из него жизнь, дыхание и душу, потому что эта женщина склонялась над ним, ее дыхание было на нем, ее руки обнимали его голову, и я был без ума от нее. Каким-то образом я уже видел, что ползу к ним через сад, ползу, лишенный разума и воли, осторожно и бесшумно раздвигая лозы и цветы. И когда я добрался до них... — Дин оборвал себя и замолчал. Его рука вцепилась в край одеяла.

— Когда я добрался до них, женщина оглянулась на меня через плечо. С этой минуты все стало расплывчатым и туманным, как бывает во снах, и подробностей я не помню. Знаю только, что она оставила мальчика лежащим на земле и пошла прочь; я бросился следом и схватил ее, и она не сопротивлялась, но обвиняла руки вокруг моей шеи и прижимала свои губы к моим. Говорю тебе, я ощущал тяжесть ее тела и тепло ее дыхания, как если бы обнимал ее во плоти. И когда на земле, в аду и на небесах не осталось ничего, кроме безумия ее красоты, я почувствовал некую перемену. Казалось, она напряглась в моих объятиях; руки ее упали с моих плеч. И затем я увидел, как она меняется. Увидел так ясно, словно не спал и она была там на самом деле. Я видел, как плоть ее сморщивается, а кожа плотно обтягивает кости. Видел, как ее лицо усыхает, вытекают глаза, щеки западают и покрываются измятым коричневым пергаментом, губы истлевают, обнажая ухмылку черепа. И ее тело выскальзывает у меня из рук и падает на землю, негнущееся и окоченевшее. После мне почудилось, что Холлуэй, не двигаясь с места, говорит: «В конце концов, оно того не стоит, не правда ли?» И я проснулся в холодном поту леденящего ужаса, а голос его звенел в моих ушах, и я мог бы поклясться, что кто-то только что говорил... О, все это было чертовски слезливо, не стану отрицать, и я был на грани безумия! — его голос сразу сделался напряженным и усталым. — Я трижды видел этот сон. Я начал ждать его, я жаждал его, чтобы опьяниться ее очарованием, но и во сне я отчаянно стремился пробудиться прежде... прежде, чем она

изменится. Это мне ни разу не удалось и, просыпаясь, я неизменно содрогался от смертельного ужаса, а это создание, темное и оочеченевшее, лежало у моих ног. И в третий раз...

Он снова помедлил, собираясь с силами, и с трудом подавил дрожь.

— Приходилось ли тебе без причины просыпаться когда-нибудь ночью, чувствуя, что твой разум, твоё сознание полностью пробудились, в то время как тело какое-то мгновение ещё продолжает спать? Это порождает физическое ощущение сна; всё твоё существо словно дремлет, сердце бьётся медленнее, конечности охвачены слабым онемением, ты пребываешь в глубокой неподвижности. Конечно, это не так; стоит сделать сознательное усилие — и ты сможешь двигаться с совершенной лёгкостью. Всё длится не более секунды. Именно в таком состоянии я проснулся в третий раз. И в этот миг, когда я лежал и чувствовал, что и ради спасения своей души не могу пошевелить ни рукой, ни ногой, но остро воспринимая происходящее всеми фибрами сознания, я ощутил прикосновение рук — мягких человеческих рук; они разомкнулись на моей шее, и я понял, что нечто, бывшее рядом, отпрянуло назад, быстро и беззвучно. Господь на небесах, как я тогда проклинал свою слепоту! Не знаю, стал ли я игрушкой странных и вполне реальных сил, пусть и не мог их истолковать, или же то были проделки пораженного горячкой мозга... Может, что-то действительно происходило там, в пустыне, либо же я попросту валял дурака; к счастью, некому было восхититься всей прелестью зрелища... Что ж! Единственное заключение, к которому я смог прийти, — что в течение тех трёх дней я, несомненно, пребывал в помешательстве. И... молю Бога, чтобы оно оказалось правильным... Похоже, в этом безумии были свои циклы: трепещущие ночи, исполненные зачарованности, чувственной неги, а после — паники дичайшего страха, и обжигающие дни, когда я дюйм за дюймом полз через раскаленные докрасна пески, в темноте, где клубился кроваво-красный туман... Придя в себя, я подумал, что скитаюсь уже многие недели, и тут услышал голоса, зву-

чавшие совсем близко. Я забыл, что звук разносится над пустыней почти как над водой, и решил, что нахожусь рядом с лагерем. Я услышал, как Ибрагим почему-то закричал, взывая к своему «Богу-Господу», и побежал... Вот и все.

Его медленный голос замер со вздохом изнеможения. Воцарилось долгое молчание.

Когда Меррит наконец хрипло заговорил, ответа не было. Он подошел к кровати, осторожно заслоня лампу, и остановился, глядя вниз. Изможденное тело Дина было ослаблено, его исхудалое лицо, изрезанное новыми и глубокими страдальческими морщинами, казалось спокойным, потемневшие веки сомкнулись. Меррит погасил лампу и бесшумно выскользнул из палатки...

Меррит окружил Дина заботливым уходом, но тот, судя по всему, никак не мог оправиться от последствий своих скитаний в пустыне. По этой причине Меррит хотел было ускорить работу и побыстрее покинуть раскопки, но Дин не желал даже и слушать. Он упрямо и красноречиво доказывал, что больше такого случая не подвернется, и неизвестно, смогут ли они когда-либо еще выбраться сюда; если же его глаза вообще можно излечить, несколько недель задержки им никак не повредят. В конце концов Меррит уступил, частью из желания поверить Дину, частью же потому, что был всей душой предан работе. Вскоре Дин научился обходиться без посторонней помощи, используя трость; на первых порах он спотыкался на неровной почве, но после начал передвигаться относительно легко и быстро. Меррит хорошо понимал, что беспомощность была для Дина горше смерти. Дин никогда не говорил об этом, но выражение лица, когда он был не в состоянии справиться с какой-то простой задачей, предательски выдавало его. Он нервничал, тревожился, но упорно старался взять себя в руки. Меррит начал замечать, что Дин нуждается в обществе людей, особенно в вечерние часы — и верно, Дин теперь всегда держался в компании других, даже если сидел, храня молчание и не принимая участия в разговоре.

Дважды поздней ночью Меррит осторожно подходил к его палатке, чтобы узнать, все ли в порядке, и находил ее пустой. Сперва это испугало его, и он представил, как Дин одиноко блуждает в темноте, но затем вспомнил, что ночь и день были для него одинаковы.

Миновала неделя; и Зло, что довлело над ними, вновь пробудилось и вышло на охоту.

Глава VIII

В ПОСЛЕДНИЙ МИГ

Меррит, сидя в своей палатке, делал записи в дневнике, который давно следовало обновить. Беспощадный свет лампы падал на его серое обветренное лицо с усталыми глазами и бросал искаженную тень его фигуры на брезентовое полотно позади. Он писал медленно, без правок, методично, тщательно, как делал любую работу. Дневник представлял собой чудо лаконичности и выразительности. Его перо заканчивало фразу — «...которую я намерен представить Национальному музею Вашингтона в надежде, что мой добрый друг, доктор Пибоди, сможет опытным путем исследовать ее содержимое». Речь шла о лампаде, той самой лампаде, которая, холодная и мертвая, позже нашла свое место в музейной витрине среди прочих древних реликвий минувших времен — снабженная этикеткой, повествующей о ее фрагментарно известной и странной истории, начало которой навсегда затерялось в веках. Меррит глубоко погрузился в захватывающее описание находки, когда шум у входа и приглушенное проклятие возвестили о приходе Дина.

— Можно войти? — спросил Дин и поспешно вошел. На миг он застыл и прислушался, определяя местоположение Меррита, и пересек палатку по направлению к нему, ощупывая путь тростью с беспомощной неловкостью недавно ослепшего человека.

— Посмотри-ка — из левого рукава моей рубашки, около плеча, вырван кусок? — отрывисто спросил он и наклонился ближе к Мерриту. Меррит заметил, что дыхание Дина было учащенным, а в его манере держаться ощущалось плохо скрываемое волнение.

— Нет, — сказал Меррит. — Рукав цел.

— Хвала Господу, — благочестиво пробормотал Дин. — Но тогда все это становится совсем странным. Не пони-

маю, что могло произойти... Что-то буквально сейчас вцепилось в меня внизу, в раскопах... Не верится, что это игра воображения...

Одновременно Меррит воскликнул:

— Постой! Ты сказал — левый рукав? Я вижу шестидюймовую прореху на правом рукаве, вот здесь, где я тяну. Ты задел рукавом за гвоздь?

Дин перевел дыхание.

— Так все же... есть прореха, значит? — спросил он странным голосом. — Нет, это совсем не гвоздь...

Меррит поднял голову и посмотрел ему в лицо.

— Что случилось? — спросил он.

Но Дин, не замечая вопроса, быстро и все так же напряженно заговорил:

— Тогда я верю во все... верю всему. Я считаю, что люди правы. Верю, что это место проклято. И думаю, что Боба и арабов заманили в ловушку сверхъестественные силы. Я отвергал эту мысль и насмехался над нею раньше, но отныне я поверю всему, что преподнесет мне эта земля. Я проиграл, и я сломлен. Я ничего не понимаю — но я верю... Верю!

Его голос перешел в хриплый шепот. Меррит встал и мягко встряхнул его.

— Послушай, старина, так не пойдет. Тебе нужно успокоиться. Осталось потерпеть еще немного; самое большее десять дней — и мы покинем это место.

— Десять дней, — повторил Дин. — Десять дней... Думаю, десять дней я выдержу, разве нет?

— Если ты предпочитаешь тронуться в путь раньше, — сказал Меррит, — то возьми все нужные припасы и людей и отправляйся. Как бы то ни было, я думаю, что это самый лучший план. Твои глаза нуждаются в лечении. Я не задержусь здесь надолго...

Но Дин прервал его с внезапной яростью, с взрывом неуместного гнева, так что Меррит уставился на него в полном изумлении.

— Нет, это ты послушай! Больше такого не повторяй, понятно? Неужели ты сам не понимаешь, что предложил

мне? Отпраздновать труса — сбежать и спрятать голову в песок; превратиться в еще более жалкое зрелище, чем я являю сейчас. Вот что ты предлагаешь мне! Но я не желаю — Бог свидетель, не желаю! Не думай, что если я бесполезен, если я стал обузой, то позволю тебе — или любому другому — оскорблять меня...

Его голос осекся, задрожал; словесный поток иссяк. Он произнес с какой-то непривычной робостью, с умоляющим смирением, резавшим слух:

— Я... я не хотел обидеть тебя, Меррит, душой клянусь, не хотел! Я нынче сам не свой...

— Ступай и ложись спать, — решительно сказал Меррит. — Это лучшее, что ты можешь сейчас сделать. Хорошо спишься в последнее время?

— И десяти минут не проспал с тех... с тех пор, как вернулся, — коротко ответил Дин. — Иногда мне удастся задремать, но это... это хуже, чем ничего. Всякий раз я снова оказываюсь там, далеко... спотыкаюсь о камни, обезумев от голода и жажды...

Он вытер лоб тыльной стороной ладони.

— Порой я чувствую на шее высохшие руки и что-то ластится ко мне, как было в тех снах в пустыне! — он содрогнулся. — И тогда мне остается только бодрствовать остаток ночи.

— Поезжай домой, Дин! — попробовал уговорить его Меррит. — Тебе не стоит оставаться здесь. Никому не стоило бы — после всего, что случилось.

Гнев Дина мгновенно вспыхнул с новой силой, безумный, яростный, несоизмеримый с вызвавшими его словами.

— Кажется, я вполне счастлив и без твоей помощи, — сказал он с жестокой иронией. — Ты ведь не думаешь, что я подожму хвост и сдамся сейчас, в последний миг?

— Нет. В конечном счете, я полагаю, что тебя это никак не устроит, — мрачно сказал Меррит, внимательно поглядев на осунувшееся лицо Дина.

Дин сразу же успокоился.

— Так и думал, что ты со мной согласишься, — сказал он удовлетворенно. — Конечно же, ты можешь войти в мое положение.

Он угрюмо рассмеялся резким, дребезжащим смехом.

— Боже, что за фарс! Я во всем повторяю Холлуэя: прихожу к тебе с хныканьем, чтобы ты уложил меня спать, как приходил ко мне он, бедняга! Дальше мне предстоит подобраться в ночи к твоей палатке — только бы слышать твои шаги внутри; затем я начну бродить внизу среди могил; а затем...

— Что это ты выдумал? — беспомощно отозвался Меррит. — Будь добр, не думай больше о Холлуэе. Сейчас я дам тебе кое-то выпить, а потом ты ляжешь...

— К чертям выпить! — воскликнул Дин. — Бога ради, меня-то ты не обманешь! Я сам не раз поил чудесным средством таких же расклеившихся героев и укладывал их спать, заставляя поверить, что они получили приличную дозу снотворного. Избавь меня от фокусов с лимонадом!

Меррит чуть слышно охнул.

— Что ж... отлично. В таком случае я зайду попозже и гляну, все ли у тебя в порядке.

Он вернулся к своему дневнику. Дин, на пути к выходу, спокойно бросил через плечо:

— Тогда тебе лучше громко запеть перед тем, как войти. Хамд, это черное дьявольское отродье, внезапно решил навестить меня прошлой ночью. Я порядком придушил его, прежде чем он сумел сказать мне, кто он такой. Я едва держусь, честно говоря.

Он вышел, коротко выругавшись, когда наткнулся по дороге на складной стул.

«Да уж! он дошел до предела. Я должен как-то помочь ему», — сказал себе Меррит и вновь взялся за перо.

Некоторое время спустя Меррит, громко возвещая свое появление, вошел в палатку Дина, но нашел ее пустой. Меррит остановился у входа и тревожно огляделся, нахмутив брови.

— Жаль, что я не предложил ему переночевать у себя, — произнес он вслух. — Парень не в том состоянии, чтобы

оставаться сейчас в одиночестве. Он может, того и гляди — Господи! Он может...

Меррит сел на кожаный сундук и стал ждать. Ночь была недвижна и тиха. Ни звука не доносилось из лагеря; весь мир спал. Меррит задремал в неудобной позе, его голова свесилась вперед, руки безвольно повисли между коленями. Он сонно подумал, что спит уже давно. В сновидении за десять минут могут пройти долгие годы, и Мерриту показалось, что миновала добрая половина ночи, когда он наконец собрался с мыслями, виновато сознавая, что должен встать и пойти искать Дина. Он зевнул, потянулся и поднялся на ноги с мутной от сна головой, заметив нехотая, что лампа продолжает гореть, а лунный свет, льющийся сквозь распахнутый полог, стал мерклым и болезненным. Но вдруг он дернулся, мгновенно пришел в себя и начал прислушиваться, склонив голову и стиснув руки: в глубинах ночи зародился стон, нарастающий и переходящий в крик, разорвал тишину и внезапно прервался, словно захлебнувшись в удушливом молчании; наступило глубочайшее безмолвие. Крик, понял он, донесся из раскопов. Меррит выскочил из палатки и ринулся к траншеям, с силой сжав зубы, напрягая каждый мускул, готовясь встретиться с неведомой опасностью. Он знал лишь то, что безошибочно подсказывал ему инстинкт — опасность была совсем рядом.

Он взлетел на вершину насыпи и глянул на внутренний двор в сорока футах ниже. Там, среди раскопанных могил, лежала густая черная тень, и лишь в центре открытого двора мерцал лунный свет, подобно серебристому озеру на дне колодца. Меррит застыл в нерешительности, не зная, где затаилась беда, и услышал странные звуки, исходящие из средоточия теней внизу: хриплое дыхание, глухое рычание, низкое и пугающее, как из глотки разъяренного пса; и топот тяжелых тел, сцепившихся и раскачивавшихся в смертельном объятии. Затем из темноты появилось нечто, и Меррит протер глаза, убедившись, что бледный лунный свет, делавший все вокруг бесплотным и призрачным, не обманул его; да, что-то перекатывалось по земле, поднималось и рушилось вновь в чудовищной схватке — бесформенная

масса, черная на фоне серебра, задыхающаяся и яростно рычащая. Меррит огромными прыжками помчался вниз по наклонной галерее. Но и в эту минуту его разум продолжал действовать, выдвигать и отметать предположения. Там могло оказаться дикое животное — лев, гиена или шакал; быть может, обезумевший туземец или вор. Незвестный враг увлек Дина, слепого и ослабевшего от недавних страданий, в эту яму и заставил сражаться не на жизнь, а на смерть...

Меррит добежал до нижнего уровня, споткнулся по дороге о что-то невидимое, выпрямился и метнулся во двор, где шла схватка. Борьба тем временем прекратилась; ибо за тот краткий миг, что занял у Меррита спуск, произошло то, чему суждено было произойти. Осталась лишь искореженная грудa на земле, которая вскрикнула, когда Меррит коснулся ее, и сжала его изо всех сил, и потянулась слепыми, отчаянными пальцами к горлу. Меррит громко закричал:

— Прекрати, Дин, перестань сейчас же, слышишь! Это я, Меррит! Послушай, ты совсем выжил из ума?

С трудом он справился с ним и удерживал, повторяя снова и снова:

— Это я... только я, Меррит. Прекрати уже, хватит... разве тебе не понятно... это я, Меррит!

Наконец сопротивление Дина стало ослабевать и он затих, тяжело дыша, а Меррит прижимал его к земле.

— Ты — Меррит? — спросил он еле слышно. Меррит, по-прежнему удерживая его, автоматически бормотал успокаивающие слова. Но вдруг Дин приподнялся и сел, легко, как пушинку, стряхнув с себя Меррита.

— Тогда где она? — воскликнул он. — Меррит, Меррит, найди эту тварь... найди ее, ради Бога, и сожги! Она не могла уйти далеко. Я только что схватил ее. Быстрее, старина, найди ее — она где-то здесь, среди могил. Я поймал ее всего полминуты назад!

Меррит положил ладонь на его руку и почувствовал, что Дин дрожит всем телом.

— Успокойся, дружище! — сказал он. — Опомнись! Здесь нет никого — могу поклясться, никого. Как ты здесь оказался?

— Как оказался? — прошипел Дин сквозь зубы. Его руки конвульсивно сжимались и разжимались. — Говорю тебе, я поймал ее! Пойми же наконец! Не мешкай! Ты хочешь, чтобы тварь ушла от нас снова?

— Погоди-ка... Кого это ты схватил? — спросил Меррит. Голос Дина раскатился воплем гневного бессилия.

— Мумию, глупец ты эдакий, мумию! Ты что, не понимаешь? Скорее, найди ее, черт тебя побери!

— Мумию! — ошеломленно повторил Меррит. Странное поведение Дина тотчас нашло свое объяснение: несомненно, Дин сошел с ума; перегруженный мозг в конце концов не выдержал. Но Дин все говорил, высоким, пронзительным, дрожащим и срывающимся голосом.

— Я нашел ее здесь, внизу, среди могил. Я знал, что обязан ее найти; я ждал ее. Она пришла, и я почувствовал ее руки на своей шее, и понял, что сон, снившийся мне в пустыне, был не сном, но явью. И когда я попытался оттолкнуть ее, она вцепилась в меня, вцепилась, точно пиявка, ногами, руками и зубами... Меррит! О Господи, Меррит, где ты? — это был смертельно испуганный голос ребенка, пробудившегося в крошечной темноте.

Услышав этот голос, Меррит быстро произнес:

— Эй, старина! Все хорошо — я здесь. Я никуда не денусь.

Дин нащупал его руку и сжал ее с такой силой, что Меррит невольно вздрогнул. Его голос зазвучал вновь:

— Я дрался с ней, и она цеплялась за меня руками и ногами, и мне никак не удавалось сбросить ее. Я пробовал бить ее головой о камни, но она впила зубами мне в плечо и не отпускала. Тогда я решил вытащить ее наверх. Я перестал отдирать ее от себя, обхватил руками и бросился бежать; но я заплутал и все время двигался по кругу на одном месте. Наконец я достиг галереи, но она догадалась о том, что я задумал, и стала сопротивляться... Боже мой! Как она билась, стараясь освободиться! Я споткнулся, и мы оба упали, она пыталась вырваться, а я держал ее. И тогда я услышал крик, и приближающиеся шаги, и она выскользнула у меня из рук и исчезла.

— Ну все, пойдем отсюда! — ласково сказал Меррит. Про себя он строго добавил: «Должен же кто-то нас, болванов, сохранять спокойствие!» Дина, подумал он, следует утихомирить, убедить подчиниться.

Дин рассмеялся.

— Думаешь, я спятил? — воскликнул он. — Никак нет. Пока еще. Я... я в здравом уме, совсем как ты, но это ненадолго. Если бы ты почувствовал, как она виснет на тебе, обвивая костлявыми руками, и не был способен увидеть, что это такое — ты был бы тоже близок к помешательству.

— Но это не могла быть... мумия, ты ведь понимаешь, — терпеливо, будто успокаивая маленького ребенка, сказал Меррит. — Это полнейший абсурд. Мумии не умеют вальсировать по гробницам. Это нарушает порядок вещей и...

— Разумеется, нарушает! — яростно прервал его Дин. — Думаешь, я этого не знаю? — его голос дрогнул. — Я не могу больше вынести, Меррит. Называй меня как угодно — я это заслужил. Но со мной... со мной... — он рассмеялся безумным смехом, и Меррит с опаской посмотрел на него. И вдруг Дин, уронив лицо в ладони, начал содрогаться в долгих, неостановимых спазмах.

— Со мной покончено, — хрипло произнес он.

— Вставай и пошли со мной, — приказал Меррит.

Он поймал себя на том, что настороженно поглядывает вокруг; припадок Дина сказался даже на его железной выдержке.

— Мы здесь и дня не останемся. Это место... оно нечестиво, вот и все. Пойдем, старина.

Он помог Дину подняться на ноги, и тот беспомощно прильнул к Мерриту, моля не бросать его в одиночестве. Меррит осторожно повел Дина к галерее, затем по взрытой земле к его палатке. Дин послушно сел на кровать, все время поворачивая свое побледневшее, осунувшееся от ужаса лицо и прислушиваясь к шагам Меррита. И лишь в палатке Меррит с изумлением заметил, что рубашка Дина была с одной стороны разодрана в клочья, а на плече была кровь и след от укуса. Он промыл рану и обработал ее нитратом сереб-

ра; и Дин угрюмо рассмеялся сквозь сжатые зубы. Затем Меррит уложил Дина в постель, а сам, не погасив лампу, лег рядом на полу, чтобы Дин мог сразу дотянуться до него и убедиться в его присутствии.

Палатка погрузилась в тишину; но Меррит, остававшийся все время настороже, с натянутыми до предела нервами, ощущал напряженность лежащего на кровати человека; понимал, что Дин держится лишь неимоверным усилием воли; и лихорадочно ждал рассвета, когда кошмар темноты развеется. После он забылся тревожным сном, но вскоре его разбудили мокрые от пота руки Дина, шарящие по лицу; голос Дина шептал:

— Она снаружи. Я слышу ее. Меррит, если она войдет сюда, я сойду с ума!

Меррит, быстро очнувшись, вскочил, выглянул из палатки в ночь и только тогда осознал всю глупость этого поступка, все заключавшееся в нем легкоеверие.

— Видишь ее? — напряженно спросил Дин за его спиной. — Если она там, я пойду за ней... Я не в силах больше думать о том, как она бродит вокруг. Представь, что она войдет внутрь...

Меррит помедлил, прежде чем ответить. Затем он сказал:

— Ничего там нет.

Он вернулся обратно и снова завернулся в одеяло. Но он не рассказал Дину, как что-то скользнуло от его взгляда прочь, за курган, в тень, не далее чем в десятке ярдов от палатки; и если глаза его не обманывали, это что-то не походило ни на сбегавшего козла, ни на гиену, ни на любое другое существо, ходящее на четырех ногах. Ни на блуждающего в ночи землекопа — лагерь тонул в безмолвии.

Снова стусилась тишина. Из глубины ее внезапно снова раздался голос Дина, прерываемый дребезжающим смехом:

— Ну и адское же здесь местечко, как по-твоему?

И после:

— Эх, эх! Если бы мы только не издевались над тем, чего не понимаем, и отринули проклятую уверенность в себе и своих взглядах!

Наступило утро. Небо прощалось с темной вуалью ночи, когда Меррит вызвал Ибрагима. Тот пришел; но если он и сделал какие-то выводы относительно двух серых и изможденных лиц, представших перед ним, то не подал виду. Меррит отдал ему определенные приказания; Ибрагим издал ряд пылких восклицаний на своем грубом и жизнерадостном английском и удалился. Пятнадцать минут спустя весь лагерь пришел в движение. Завтрак состоялся в обычный час, но на сей раз он был приправлен гулом сборов и ожидания. Ящики с табличками и прочими древностями были бережно погружены на верблюдов; лагерное снаряжение — собрано и упаковано; в полдень палатки были сняты. Все руки были заняты делом; четверо с нетерпением бросались выполнять работу одного. Восток победил; какие бы средства ни были использованы, чтобы скрыть остатки его сокровищ от глаз пытливого Запада, они сделали свое дело. Гробница, наполовину раскопанная, вновь покоилась с миром. Восток защитил ее своими методами, законными или противозаконными.

На закате караван выступил в путь. Меррит, чье серое лицо и усталые глаза, казалось, ничуть не изменились, был спокоен, но все же с энергией предводителя, который обязан быть всем для всех людей, подгонял караван. Дин, молчаливый, с задумчивым лицом и поникшими плечами, вяло покачивался в седле, доверившись арабу, который вел его коня в поводу. Его рыжеватые волосы тронула седина; смешливые морщинки у рта уступили место иным, заново вылепившим лицо; он выглядел постаревшим на много лет. Солнце, осенявшее пустыню последними лучами, высветило их лица, когда они тронулись в обратный путь, оставив работу незаконченной.

Авангард растянулся по пустыне длинной цепью лошадей, людей и верблюдов. В последний миг сумерек, когда небо стало фиолетовым и тьма, накрывая их крылами, пала с высот, Меррит повернулся в седле и поглядел назад, на арену своих трудов. Раскопы, спешно заброшенные землей, зияли как отверстые раны — неисцелимые раны, что навсегда пребудут открыты для беспощадного солнца, истощен-

ных песчаных бурь и священных ночей, частью обнажая, частью скрывая тайны, спрятанные под ними. Взметенный прах затерянного города снова возвращался к своему потревоженному покою, раскинувшись в жалкой наготе — дабы вновь, когда придет полнота времени, быть погребенным в безбрежности песков. Человек пришел, человек ушел; человек придет снова, а после снова уйдет, и земля вновь обретет свою власть. Таинственный Восток, задумчивый и мрачный, напоенный мудростью забытых нечестивых преданий, торжествовал победу.

Больной козел, брошенный за ненадобностью, пробежал несколько шагов за караваном, немощно бляя. Он остановился перед одним из курганов и посмотрел им вслед. Кони и люди медленно исчезали в пустыне. Иногда откуда-то спереди доносились голоса, становясь все более тихими по мере того, как темная нить каравана уходила под звездами все дальше на запад. Но замыкавшие хранили молчание. Меррит, обернувшись назад, увидел нечто, скользящее среди курганов, черное пятно в сумерках, и вонзил шпоры в бока своей лошади. Затем он вспомнил, что это мог быть козел.

И тогда занавес ночи опустился, и крадущаяся тень канула во тьму.

А. Шерман

ТЕНИ В ПУСТЫНЕ

(«Обитатели пустыни» Ш. Брайсон-Тейлор)

В 1904 г. нью-йоркским издательством «Генри Холт и компания» была выпущена книга, которой суждено было стать одной из забытых жемчужин «фантастики странного». Ее написала дочь американского адмирала Шарлотта Брайсон-Тейлор, дав своей повести вычурное название: «Обители пустыни».

Здесь впору отложить перо и задуматься, справедлива ли столь высокая оценка книги, чья фабула — археологи, пустыни, таинственная гробница, оживающая мумия обворожительной и смертельно опасной принцессы — уже в начале XX века могла показаться достаточно избитой?

Действительно, тема оживающей мумии, отливаясь постепенно в форму историй о «проклятии мумии» и прочих «египетских» ужасах, разрабатывалась в литературе с первой трети века девятнадцатого. Ко времени написания романа Брайсон-Тейлор давно были опубликованы такие классические произведения, как «Ножка мумии» (1840) и «Роман о мумии» (1856) Т. Готье, «Разговор с мумией» (1845) Э. По, «Кольцо Тота» (1890) и «Номер 249» (1892) А. Конан-Дойля, «История Бэлброу» Е. и Х. Херон (1898), «Фарос-египтянин» Г. Бутби (1899) и многие другие; в 1903 г. выходит «Сокровище семи звезд» Б. Стокера, возможно, повлиявшее на Брайсон-Тейлор. Отдельно следует упомянуть о группе американских рассказов 1860-х гг. (Д. Остин, Л. М. Олкотт и др.), в которых «проклятие мумии» сочеталось с вампирической тематикой¹.

Ничуть не менее, а пожалуй, гораздо более развит был поджанр историй о привидениях, не говоря уже о всей викторианской и эдвардианской литературе экзотических приключений, поисков неведомого и «затерянных миров». Дух поздней готики и Генри Райдера Хаггарда веет над страницами повести. В целом жанровая память была настолько сильна, а те или иные сюжетные ходы так отработаны, что Брайсон-Тейлор позволила себе включить в повесть своеобраз-

¹ Подробные сведения о египетских мумиях в художественной литературе и особенно литературе ужасов читатель может найти в нашей трехтомной антологии «Рассказы о мумиях» (Salamandra P.V.V., 2015).

ный иронический метатекст в виде монолога молодого фотографа Боба Холлуэя:

Здесь есть все необходимое для ледящей кровь истории о призраках: древний проклятый город, алтари неведомых богов, где приносились человеческие жертвы, эта мумифицированная принцесса с ее «дьявольской душой», драгоценностями и биографией, изображенной на стенах ее же гробницы; а теперь еще и исчезновения наших людей, одного за другим.

Однако Брайсон-Тейлор сумела влить новое вино в старые жанровые мехи и с помощью чрезвычайно экономных средств создать изящное, цельное и выразительное произведение, которое выходит далеко за рамки стандартной «страшной истории». Сцены блужданий ослепшего археолога Дина по пустыне и финал романа вряд ли могут изгладиться из памяти.

Выше мы упомянули ряд вещей, так или иначе связанных с Египтом, да и сама тема мумии неизбежно вызывает представление о древней земле Та-Кемет. В этом смысле Холт и компания пошли по накатанной дорожке, снабдив книгу египетскими или псевдо-египетскими заставками и виньетками (кстати говоря, первоиздание «Обитателей пустыни» считается у коллекционеров довольно редким и ценным). Тем самым они оказали повести дурную услугу, ибо ее до сих пор иногда классифицируют как «египетскую» фантастику ужаса. Но при чтении «Обитателей пустыни» бросается в глаза одно немаловажное обстоятельство — Египта в повести нет. Реалии стерты, географические наименования отсутствуют, место действия подчеркнуто обозначено лишь как «эти края», «эта земля», «это место», «пустыня» и т. п. Нет ни единой расхожей и сугубо египетской детали, подобной пирамидам, сфинксам, фараонам, изваяниям Изиды или Ра, иероглифам и так далее. Мало того, упоминания об иракском племени *афедж* или *афеджи* и глиняных табличках и вовсе создают определенный сдвиг восприятия, наводя скорее на мысли о Междуречье. Словом, перед нами некий обобщенный «Восток», «Восток вообще».

Так раскрывается подспудный стержень повести, ее магистральная тема, заключающаяся, конечно же, не в ожившем трупе и наборе ужасов, а в противостоянии Востока и Запада. Мумия здесь — не самодостаточный элемент ужасного, но воплощение «мудрости забытых нечестивых преданий» и непознаваемых тайн Востока, то смертоносное оружие, с помощью которого Восток одерживает верх над самоуверенным рационалистическим Западом. Как и следовало ожидать, тема эта решена в кипплинговском ключе («О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут»). Появляются в повести и очень частые в приключенческой и фантастической литературе эпохи расистские мотивы: чего стоит один карикатурный десятник Ибрагим, лукавый и изворотливый «глас Востока» с его ломаным комическим английским! «Туземцы», опять-таки в духе Киплинга, изображены как «полудьяволы, полудети» (напомним, что стихотворение «Бремя белого человека», откуда взята эта цитата, было впервые опубликовано в Соединенных Штатах за пять лет до «Обитателей пустыни»). Меррит, руководитель археологической экспедиции, господствует над ними и фигурально, и буквально — благодаря «силе своей воли и наследию крови», англосаксонской крови, что течет в его жилах. Брайсон-Тейлор, судя по всему, испытывала глубокие сомнения в конечном успехе его по сути колонизаторской, а по Киплингу, и цивилизаторской миссии; в конце повести она восклицает:

Восток победил; какие бы средства ни были использованы, чтобы скрыть остатки его сокровищ от глаз пытливого Запада, они сделали свое дело... Таинственный Восток, задумчивый и мрачный, напоенный мудростью забытых нечестивых преданий, торжествовал победу.

Символом поражения Запада в столкновении с мистическим Востоком служит последнее горестное восклицание Дина: «Если бы мы только не издевались над тем, чего не понимаем, и отринули проклятую уверенность в себе и своих взглядах!» Но символично и описание покидающего роко-

вой затерянный город Меррита, чье «серое лицо и усталые глаза, казалось, ничуть не изменились». Именно и только суровый и мужественный Меррит, само олицетворение «бремена белых», выходит невредимым из страшных испытаний.

«Обители пустыни» также нередко именуют «вампирическим» произведением. Порой это делается в откровенно рекламных и коммерческих целях: в 2000-х годах книга Брайсон-Тейлор была переиздана сразу несколькими небольшими западными издательствами, а как известно, *vampires sell*. Встречаются и прямые ошибки — к примеру, издатель и составитель ряда антологий Дуглас Андерсон, которому мы обязаны биографией Брайсон-Тейлор, утверждает в своей часто цитируемой аннотации, что мумия якобы «нападает на Дина и кусает его... пытаясь высосать кровь»; здесь же Дин ошибочно назван главой экспедиции². Подобного традиционного литературного вампиризма в повести нет — мумия-принцесса отнюдь не испытывает пристрастия к крови и вонзает зубы в плечо Дина исключительно в пылу схватки. Тем не менее, вампирическая топка при желании в книге прослеживается, если причислить к вампирам некоторых ревенантов европейских легенд и особенно питающихся жизненной силой жертв демонических соблазнительниц-суккубов с их близким к зловещей мумии *modus operandi*.

Заглавие «Обители пустыни» («In the Dwellings of the Wilderness») сегодня, видимо, нуждается в пояснении — но для первых читателей повести оно было говорящим и значимым, отсылая к библейским стихам, в ряде английских переводов которых встречалось это словосочетание³, например Иер. 9:10: «О горах подниму плач и вопль, и о степных пастбищах — рыдание, потому что они выжжены, так что никто там не проходит, и не слышно блеяния стад: от птиц небесных до скота — все рассеялись, ушли».

² См. блог Д. Адамса «Lesser-Known Writers», desturmobed.blogspot.com..

³ В церковнославянском и синодальном переводах, соответственно, «стеzi пустыни», «степные пастбища».

В то же время, оригинальное название главы IV, «The Woman Tempted Me», сразу же напоминало английскому читателю о словах Адама (Быт. 3:12), возложившего всю вину за судьбоносный инцидент в Раю на Еву. Выражение «когда придет полнота времени» на последних страницах повести, в свою очередь — прямая цитата из Гал. 4:3.

Библейский пласт является на поверхность постепенно, как древний горизонт на раскопках, и напрямую приводит к финалу. Брошенный в пустыне на произвол судьбы козел — не что иное, как козел *отпущения* (Лев. 16:18-23), в распространенной трактовке — жертва демону пустыни Азазелу (отсюда можно заключить, что Азazel и есть вселившийся в принцессу «дьявол»). Однако финал остается открытым, ибо все постигшие злосчастную экспедицию сверхъестественные бедствия с некоторой натяжкой допускают рациональное истолкование, которым, похоже, и склонен удовлетвориться Меррит.

К сожалению, Шарлотта Брайсон-Тейлор не создала ничего равного «Обителям пустыни». Она родилась в 1880 году в семье руководителя медицинской службы военно-морского флота США Джона Тейлора, вышедшего в отставку в 1891 г. в чине контр-адмирала, и его жены Сабеллы Брайсон. Юная Шарлотта получила хорошее образование в частных школах Коннектикута и округа Колумбия. Уже в 1898 году ее первый рассказ был опубликован в *The Overland Monthly*; с 1900 г., живя в Вашингтоне и позднее в Нью-Йорке, она регулярно публиковала рассказы и статьи в таких популярных журналах, как *Everybody's Magazine*, *Munsey's Magazine*, *All-Story Magazine*, *The Cosmopolitan Magazine* и *The Delineator*. Все они были неизменно подписаны «Ш. Брайсон-Тейлор» — вероятно, из желания создать впечатление мужского авторства. Ее второй роман «Никанор, рассказчик историй» вышел в 1906 г. и был хорошо принят критикой и читателями, но со временем оказался прочно забыт.

С 1909 г., когда в автомобильной катастрофе погиб ее брат Эндрю, в жизни Шарлотты Брайсон-Тейлор началась

полоса трагических событий. В 1911 г. застрелился ее долго болевший отец. Публиковаться она стала заметно меньше; некоторое время проработала в редакции *Everybody's Magazine*. В 1912 г. Брайсон-Тейлор вышла замуж за Андерсона Рэндалла, а после безвременной смерти последнего в 1917 г. окончательно исчезла с глаз публики. Она умерла в июне 1936 г. и была похоронена в Бруклине рядом с мужем и матерью.

Оглавление

Глава I. В темных глубинах времени	9
Глава II. Запретная дверь	15
Глава III. В гробнице	25
Глава IV. «Она обольстила меня»	32
Глава V. Солнечный удар	40
Глава VI. Тот, кто ушел	48
Глава VII. Тот, кто вернулся	60
Глава VIII. В последний миг	67
<i>А. Шерман. Тени в пустыне</i>	78

POLARIS

ПУТЕШЕСТВИЯ · ПРИКЛЮЧЕНИЯ · ФАНТАСТИКА

Настоящая публикация преследует исключительно культурно-образовательные цели и не предназначена для какого-либо коммерческого воспроизведения и распространения, извлечения прибыли и т.п.

SALAMANDRA P.V.V.